

Волшебные сказки
Англии

Annotation

Эта книга — настоящий сундук с сокровищами. В нем собраны самые волшебные, захватывающие и таинственные истории о храбром короле Артуре и его доблестных рыцарях, о могущественном чарошее Мерлине, об ужасных великанах и чудовищах, об отважных героях из народа и многих-многих других. Окунитесь в чудесный мир легендарной Англии!

Вашим проводником в мире английских легенд и преданий будет Заслуженный художник России Анатолий Зиновьевич Иткин. Благодаря ему все таинственное и неведомое в английском фольклоре вы сможете увидеть своими глазами, и настоящее волшебство станет чуть ближе.

- [Волшебные сказки Англии](#)
 - [Английские народные сказки и побасенки](#)
 - [Шамус и птицы](#)
 - [Колодец на краю света](#)
 - [Кожаный мешок](#)
 - [Черри из Зеннора](#)
 - [Умная Унаг](#)
 - [Джек — гроза великанов](#)
 - [Джек и бобовый стебель](#)
 - [Пещера короля Артура](#)
 - [Тамлейн](#)
 - [Русалка из Колонсея](#)
 - [Юный Поллард и окландский вепрь](#)
 - [Моховушка](#)
 - [Джонс и Боггарт из Бриксуорта](#)
 - [Джек и золотая табакерка](#)
 - [Виттингтон и его кошка](#)
-

Волшебные сказки Англии

Английские народные сказки и побасенки

У каждого народа есть свои сказки. Мамы, бабушки, а теперь и прабабушки, сколько стоит мир, рассказывают своим милым чадам захватывающие дух сказки. Или сами их сочиняют, или же читают те, что написаны в детских книжках с картинками. Откуда берутся книжные сказки? Их история не менее интересна, чем сами сказки. Мы

будем говорить здесь о народных сказках и побасенках. Каждая такая сказка — приключение смелого героя, бесстрашно воюющего с врагом и спасающего попавшую в беду красавицу. Есть истории про смекалку, есть предания, легенды, ставшие сказкой. Во всех них отражаются стародавняя жизнь, древние представления о мире, понимание природных явлений. Но все сказки содержат и нравственный посыл, в них всегда ясно, что есть добро и что есть зло.

В сказках у всех народов, во все времена, граница между добром и злом отчётлива и тверда. Народным сказкам не свойственно мировосприятие нынешних взрослых людей, так изящно выраженное еще Уильямом Шекспиром в сказочной пьесе «Макбет», — «добро есть зло, зло есть добро».

Значит, в сказках две составные части: во-первых, нравственное начало; во-вторых, — короткая увлекательная история, основанная или на интернациональном бродячем сюжете, корни которого уходят в седую древность и который, в том или ином виде, бытует в разных национальных культурах. Только вообразите себе, существует международный перечень, насчитывающий сотни таких сюжетов! Мы все их знаем с детства. Это — превращение заколдованного чудовища в принца, это — прекрасная царевна, проснувшаяся от сна, навеянного злыми чарами. Эти сказки свидетельствуют о сходстве у разных народов идеальных и зловещих образов, об одном и том же отношении к добрым и злым поступкам, порокам и добродетелям — словом, то, что все народы на земле имеют общее понятие о нравственности, схожее образное восприятие и мышление. В основе может лежать и легенда, историческое предание, хранящее для будущих поколений память о каком-то действительном происшествии. Можно предположить, что бродячие сюжеты тоже хранят память о каких-то очень-очень древних событиях, но тысячелетия стёрли в них все национальные и временные указания. И сюжеты стали кочевать из одной страны в другую, из одного века в другой.

Ясное дело, что сказки, основанные на бродячем сюжете, имеют параллели у многих народов. Тогда как исторические сказки у каждого народа свои. Так, Илья Муромец — герой русских сказок. Правда, в его подвигах иногда слышен бродячий сюжет. Это значит, что сказки о нём передавались из уст в уста множество раз и много веков. У англичан легендарная фигура — король Артур, живший будто бы в Англии в V

веке. В образе этого героя отразилась полуторатысячная английская история. Англия — остров, неоднократно подвергавшийся в древние времена захвату чужеземцев: римлян, англосаксов, норманнов. Шествуя сквозь эти исторические наслоения, легендарный король лишился в сказках особых национальных черт и стал образцом всех рыцарских доблестей. Англичане до сих пор ждут, хотя бы во сне, его возвращения. Человеческому сознанию свойственно возомнить героя и праведника избавителем от бедствий и ждать его второго явления, уповая на то, что он устроит на земле идеальное царство.

Сказка «Виттингтон и его кошка» — побасенка, в основе которой жизнь реального человека, мэра Лондона, разбогатевшего на торговле с заморскими странами и превратившегося из нищего в самого состоятельного лондонского горожанина. Неизвестно, какую роль в этом сыграла кошка, но сказки часто наводят на мысль — а вдруг и правда в прошлом было что-то подобное?

А вот сказка «Джек и бобовый стебель» — бродячий сюжет, но полный примет жизни английского поселянина. В каких только странах герои не взбирались на небо по гороховому или бобовому стеблю. А ведь это отголосок библейского предания о «лестнице Иакова», который во сне видел лестницу, по которой снуют вверх и вниз ангелы. Люди всегда мечтали о дороге в Царство Небесное. Даже стали строить Вавилонскую башню — ещё один стебель в небо. Боги разгневались и наказали строителей смешением языков, откуда и пошли переводчики. Мы и сегодня рвёмся в небо, используя, правда, иные приспособления.

У любого народа есть и сказки о великанах. Начало восходит, наверное, к гомеровской «Одиссее», где Одиссей ослепляет в пещере злобного одноглазого великана. Великаны упоминаются и в первой книге Ветхого Завета, «Исходе». Вот и задумаешься, не жили ли когда-нибудь на земле люди-гиганты.

Раз уж зашёл разговор об английских сказках, хотелось бы коснуться одного малоизвестного факта. Мы все с детства знаем древнегреческие мифы. Они тоже богатейший источник сказочных сюжетов. Их в наши дни пересказывают для детей. А взрослые занимаются ими только в интересах науки. Больше всего меня поразил подход к ним великого английского мыслителя, оказавшего огромное влияние на творчество Шекспира, Фрэнсиса Бэкона. Он хорошо знал древнегреческие мифы, те самые, которые даровали сюжеты детским

сказкам. Его волновала доисторическая древность человечества, по его мнению, люди тогда владели истинной мудростью, давшей им ключ к тайнам природы, к устройству государства всеобщего благоденствия. Это было так давно, что никаких следов не осталось от той ранней поры. Но они зашифровали эту мудрость для грядущих поколений в мифах, которые дошли в конце концов до античной древности. Надо только их разгадать. И Бэкон принялся их расшифровывать. Его хитроумное толкование можно прочесть в его книге «О мудрости древних». Вот как он толкует миф о происхождении Афины Паллады. Юпитер съел Метиду, которая ждала ребёнка. И таким образом родил из своей головы богиню мудрости Афины Палладу. В этом мифе Бэкон видит поучение монархам, как пользоваться услугами советников. Сначала надо поглотить их совет, затем обмозговать в собственной голове и только тогда ему следовать. Надо сказать, что Бэкон сам был учёным советником королевы Елизаветы.

Народные сказки заставляют читателя надеть исторические очки, учат видеть общее и разницу на различных ступенях человеческой истории, помогают странствовать от одной культуры к другой. Лучше А. С. Пушкина никто не сказал о сказках: «Сказка ложь, да в ней намёк. Добрым молодцам урок».

Марина Литвинова

Шамус и птицы

В Шотландии издревле существовало поверье: если ребёнок выпьет молока из черепа чёрного ворона, то с годами откроется в нём какая-нибудь чудесная способность.

Давным-давно в Кинтайре, что на западе Шотландии, жил один князь, и захотелось ему проверить, так ли это. Родился у него сын, назвали его Шамус; а когда мальчик подрос, дали ему молока в круглом, хрупком черепе ворона.

Долгое время никто не замечал в княжеском сыне ничего чудесного. Он играл и вёл себя, как все дети, и был, как они, порой несносным, но чаще очень хорошим мальчиком.

Но вот однажды увидел отец, что сидит Шамус под яблоней, поднял вверх голову и выговаривает какие-то странные слова, не похожие на человеческие. Подошёл князь ближе, колыхнулись ветки, зашуршали листья, и спорхнули с дерева десятка два перепуганных птиц.

— Отец, зачем ты спугнул птичек? — сказал Шамус. — Они рассказывали мне о тёплых странах, птицы по осени туда улетают. Там круглый год светит яркое солнце и плещет ласковое море. Не то что у

нас.

— Как это может быть, сын мой? — спросил князь. — Ведь птицы не знают нашего языка.

— А я всё-таки их понимаю, — ответил Шамус. — Говорю с ними всё равно что с тобой.

Очень удивился князь, но вспомнил старое поверье — значит, оно не выдумка, обрёл всё-таки его сын чудесный дар.

Шли годы. Шамус вырос, но не забыл птичий язык. Он часто беседовал с мелкими пташками, что летали над замком, и они рассказывали ему обо всём, что делается у соседей. А морские птицы приносили вести о заморских странах, о кораблях, которые плавают далеко в океане. Многое узнал Шамус от птиц, он рос умным, сильным и храбрым, и весь народ не сомневался, что он будет хорошо княжить, когда придёт время.

Так бы оно и случилось, если бы не обрушился на Шамуса нежданно-негаданно гнев старого князя, его отца. Обедают они раз в парадной комнате, и Шамус, по обычаю, прислуживает отцу.

Вдруг глянул князь в окно на крышу башни, где каждый год гнездились сотни птиц, и говорит:

— Скажи мне, сын мой, о чём кричат птицы? Никогда ещё они не галдели так громко.

— Если я скажу, боюсь, ты рассердишься на меня, — ответил Шамус, опустив глаза.

Ответ сына раззадорил любопытство князя. Ему во что бы то ни стало захотелось узнать, что такое случилось с птицами. И в конце концов Шамус сдался:

— Птицы говорят, придёт день, и всё переменится. Ты будешь прислуживать мне за этим столом. Вот отчего они так расшумелись.

Услыхал эти слова старый князь и сильно разгневался.

— Ах ты неблагодарный! — воскликнул он, бросив об пол кубок с мёдом. — Ты, верно, задумал против отца недоброе! Пойди простишься с людьми, и чтобы духу твоего здесь больше не было!

Напрасно убеждал Шамус отца, что нет у него в помыслах ничего худого. Не стал слушать его старый князь.

Делать нечего, простился Шамус со своим народом и покинул дом, в котором родился. Ушёл он из Кинтайра нищим, в одном платье.

Пришёл на берег моря и думает: «Сяду-ка я на корабль и поплыву в

тёплые страны, о которых мне говорили птицы. Там всегда светит яркое солнце, а море синее-синее».

Долго плыл Шамус по морю, то бурному, то спокойному, и приплыл наконец во Францию. Сошёл на чужой берег и отправился пешком на поиски приключений.

Шёл он, шёл и пришёл в большой парк. На зелёных лужайках белые цветы весело качают головками, за высокими деревьями горят в небе золотые кровли башен и островерхих крыш. Догадался Шамус, что это королевский замок. Подошёл к воротам, слышит стук топоров. Глянул — это дровосеки валят вековые дубы, что растут у стен замка. Вошёл Шамус в ворота и остановился в изумлении: небо над замком черно от множества птиц. Носятся над головой тучи воробьёв и верещат так громко — оглохнуть можно. Зажал Шамус уши, а тут навстречу ему слуга вышел и говорит:

— Не пытайся, чужеземец, спасти слух от этого шума. Не только под открытым небом, но и в самом замке некуда от него деться. Наш король ума не приложит, как избавиться от такой напасти.

Смекнул тут Шамус, что, пожалуй, он один из всех людей может помочь несчастному королю. И попросил слугу провести его в королевские покои.

Повёл его слуга по длинным переходам замка, видит Шамус, сотни воробьишек бьются крыльями о прекрасные панели, а в парадных залах такой трезвон, что бедняжки фрейлины кричат изо всех сил, надрывают свои нежные горлышки, иначе и не поговоришь. Вошли в трапезную — все столы и стулья воробьями облеплены. И вот наконец пришли в маленький покойчик, где бедный король изнывал в одиночестве. Все окна заперты крепко-накрепко, у двери стоит караульный солдат. Но один воробей, умнее прочих, всё-таки изловчился проникнуть в этот непроницаемый покой. Он сидел на подлокотнике кресла, и король смотрел на него с невыразимой тоской.

Увидел король Шамуса и спросил, зачем пожаловал чужеземец в его несчастное королевство.

— Позвольте мне, ваше величество, — ответил Шамус, — избавить вас от этого бедствия. Я один из всех людей на земле могу вам помочь.

Лицо короля мгновенно прояснилось.

— Если ты спасёшь нас, чужеземец, — сказал он, — я награжу тебя по-королевски. Но объясни сначала, почему только ты один можешь спасти нас.

И Шамус поведал королю, каким чудесным даром он обладает.

— Я уверен, ваше величество, птицы неспроста раскричались. И сейчас узнаю, в чём дело.

Он посмотрел на воробушка, сидящего на королевском

подлокотнике, и с уст его полились какие-то странные звуки. Выслушал его воробушек, вспорхнул с кресла и, сев ему на руку, начал взволнованно чирикать. Шамус слушал и согласно кивал головой. Такого чуда король отродясь не видывал.

— Ну вот, ваше величество, — наконец повернулся к королю Шамус, — дело проще простого. Вы отдали повеление срубить все деревья в королевском парке, а в их кронах птицы вили гнёзда испокон века. Им теперь негде выводить птенцов. Вот они и подняли шум. Прикажите дровосекам не трогать деревья, и птицы сейчас же угомонятся.

Услыхал король эти слова, вскочил с кресла, распахнул настежь двери и велит отдать приказ дровосекам не рубить больше деревьев в его королевском парке. Тотчас вышли из замка шестеро солдат и затрубили в серебряные трубы.

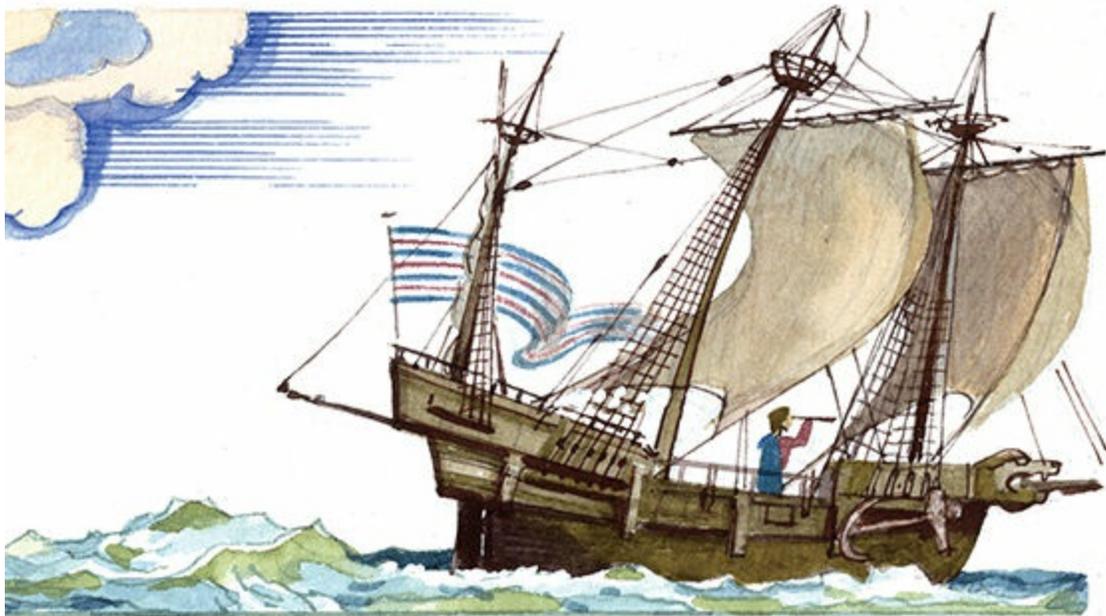
Собрался перед замком народ, и глашатай зачитал королевский указ: ни одно дерево, ни один куст, ни ветка, ни листик не должны быть срублены, сломаны или сорваны в королевских лесах.

Как только смолк стук последнего топора, несметные стаи воробьёв

выпорхнули из всех залов, покоев, переходов и закоулков королевского замка и полетели над золотыми кровлями к своим родным деревьям — скорее гнёзда вить. И с того дня ни один воробей, даже самый маленький, не тревожил больше короля до самой его смерти.

Верный обещанию, король щедро наградил Шамуса, подарил ему корабль, много золота и всяких драгоценностей.

И поплыл Шамус дальше по морям-океанам. Посетил страны, где золото лежит прямо на земле, побывал на островах, куда до него не приставал ни один корабль. И с каждым годом становился Шамус мудрее и богаче. Но где бы он ни был, он всегда помнил суровые скалы и холодное море далекого Кинтайра.

Так проплавал он десять лет, и не стало у него сил выносить дольше разлуку с родной землёй. Повернул Шамус корабль на север.

Долго ли, коротко плыл, вот уже и знакомый пролив. Стоят люди на берегу и дивятся на чудесный корабль с золочёным носом, что пристал к их земле. Зовут старого князя. Вышел князь на берег, приглашает чужеземца к себе в замок. Не признал в нём родного сына и оказал ему почести, как знатному вельможе.

Вечером устроили в замке пир. Был в те дни у шотландцев обычай — важному гостю прислуживал за столом сам князь. Посадили Шамуса на почётное место, поклонился ему князь и поднёс золотой кубок.

— Отец, неужели ты совсем забыл меня? — воскликнул Шамус. — Я твой сын, много лет назад выгнал ты меня из дому. А ведь птицы были правы. Сегодня ты прислуживаешь мне за этим столом. Я с радостью приму из твоих рук кубок, верни только мне свою любовь. Обними меня, отец, и знай — никогда не замышлял я против тебя ничего дурного.

Услыхал эти слова старый князь, полились из его глаз слёзы, обнял он Шамуса и стал опять приветствовать его — на этот раз как любимого сына. И во всём народе было великое ликование.

Колодец на краю света

Давным-давно жила бедная девушка с мачехой. Раз даёт ей мачеха решето и велит принести воды из колодца, того, что на краю света.

— И смотри, — говорит, — полное принеси.

Опечалилась девушка: где найти колодец, что на краю света, да и как воду решетом зачерпнуть? Пустилась, однако, в путь. Идет, и так у неё тяжело на сердце. Кого ни спросит, где тот колодец, никто не знает, хоть назад возвращайся. Вдруг повстречалась ей сгорбленная старушка.

— Скажите, пожалуйста, — спросила девушка, — вы не знаете, как найти колодец, что на краю света?

— Знаю, доченька, — ласково ответила старушка и показала ей дорогу к колодцу.

Поблагодарила девушка, пошла, как было велено. И нашла колодец, что на краю света.

Но конечно, дело на этом не кончилось.

Черпает девушка решетом воду, а вода обратно выливается, к тому же холодная-прехолодная. Сколько раз черпала — не сосчитать.

Села девушка на край колодца и заплакала.

Вдруг слышит, чей-то скрипучий голос спрашивает:

— Что с тобой, милая девушка?

Подняла она голову: сидит рядом огромная лягушка и глазища на неё таращит.

— Что ты плачешь? — повторил тот же голос.

Поняла девушка — это лягушка её спрашивает.

— Как же мне не плакать, — отвечает она сквозь слезы.

И рассказала лягушке, как долго искала колодец, нашла наконец, да никак не может воды в решето набрать. А мачеха непременно велела полное принести.

— Обещай исполнить всё, о чём попрошу этой ночью, — говорит лягушка. — И я твоему горю помогу.

— Как же ты мне можешь помочь?

— Научу решетом воду черпать.

Вид у лягушки был нестрашный. «Что плохого может сделать простая лягушка?» — подумала девушка и дала обещание.

Мохом заткни и глиной замажь,
Вот и исполнишь мачехи блажь, —

проквакала лягушка и — плюх! — нырнула в тёмную холодную воду колодца, что на краю света.

Сделала девушка, как сказала лягушка: нарвала мху, заткнула дырки в решете и аккуратно глиной замазала. Подсохла глина на солнце, зачерпнула девушка холодной-прехолодной воды, а вода и не выливается. Набрала полное решето и, довольная, пошла домой. Обернулась на прощание, взглянула последний раз на колодец, а лягушка высунула голову и проскрипела вдогонку:

— Не забудь своё обещание!

— Не забуду, — ответила девушка и опять подумала: «Что плохого может сделать простая лягушка?»

Обратная дорога показалась ей не такой длинной. Пришла девушка домой и принесла мачехе решето, полное воды из колодца, что на краю света.

Сидят обе вечером у очага, вдруг слышат, кто-то в низ двери стучится. И чей-то голос говорит:

Дверь отопри, мое солнце,
Друг единственный мой!
Помнишь, о чём у колодца
Мы говорили с тобой?

Мачеха, конечно, удивилась, а девушка сразу смекнула, кто к ним пожаловал.

Рассказала всё мачехе, та и говорит:

— Раз обещала, должна исполнить обещанное. Пойди отвори дверь.

Встала девушка, отворила дверь, а на крыльце, конечно, лягушка — огромная, мокрая, вода с неё ручьями льётся и по ступенькам на дорогу течёт.

Прыгнула лягушка в комнату, девушка пошла к своему креслу, лягушка — за ней. Вылупила на неё глаза и скрипит:

Возьми меня на колени,
Друг единственный мой!
Помнишь, о чём у колодца
Мы говорили с тобой?

Не очень-то приятно брать на колени мокрую, холодную лягушку.

А мачеха опять говорит:

— Раз обещала, должна исполнить обещанное.

Села девушка в кресло, взяла лягушку к себе на колени. А лягушка такая мокрая, такая холодная — девушку холод до костей пробрал, платье с фартуком насквозь промокли. Целый час так сидели, потом лягушка и говорит:

Скорее меня накорми,
Друг единственный мой!
Помнишь, о чём у колодца
Мы говорили с тобой?

Накормить гостя — дело приятное. Встала девушка с кресла, посадила туда лягушку, а вода с неё так и течёт — целая лужа натекла на полу. Плеснула девушка молока в блюдце, крошила хлеба и покормила лягушку.

Поела гостя — и опять своё:

Возьми меня с собой в постель,
Друг единственный мой!
Помнишь, о чём у колодца
Мы говорили с тобой?

Ох как не хотелось девушке брать с собой в постель мокрую, холодную лягушку. А мачеха говорит:

— Раз обещала, должна исполнить обещанное.

Нечего делать, положила девушка лягушку к себе в постель поближе к стенке, сама легла с краешку. Лежит, пошевелинуться не смеет, упаси бог до холодной лягушки дотронуться.

Всю ночь глаз не сомкнула.

Едва только за окном забрезжило, проснулась лягушка и говорит:

Голову мне отруби,
Друг единственный мой!
Помнишь, о чём у колодца
Мы говорили с тобой?

Услыхала девушка эти слова, и так ей стало жаль бедную лягушку. Пусть она скользкая и холодная, да ведь незлая: помогла ей вчера, научила воду решетом черпать. Нет, не может девушка отрубить ей голову.

А лягушка опять затянула скрипучим голосом:

Голову мне отруби,
Друг единственный мой!
Помнишь, о чём у колодца
Мы говорили с тобой?

Опять не послушалась девушка. В третий раз проскрипела лягушка свою печальную песню. Пошла девушка за топором, посадила лягушку на пол, полились у неё из глаз слёзы, подняла она топор и отрубила лягушке голову.

И как ты думаешь, что случилось? Стоит перед девушкой вместо лягушки прекрасный принц. Взял он её за руку и поведал свою историю: злая колдунья превратила королевского сына в лягушку и сказала, что спасти его может только одно: если найдётся добрая девушка, которая будет всю ночь исполнять приказания мерзкой

лягушки. Хорошая девушка нашлась, и злые чары наконец-то рассеялись.

Поженились они и поехали в замок короля-отца. Король на радостях устроил пир на весь мир, стали молодые с тех пор жить-поживать и радоваться.

Кожаный мешок

Давно это было. Пришла в деревню, что стоит на берегу красивой реки Тайн, старуха по имени Клути.

Мужчины этой деревни были счастливы и довольны своей судьбой. Испокон веку сидели они на этой земле, пасли овец и коров, пахали, сеяли и жили в достатке. У всех были крепкие, хорошие дома, тёплая одежда зимой и много всякой еды. И так всё шло, пока не пришла в деревню старуха Клути и не поселилась в маленьком домике с покосившейся трубой.

Женщины этой деревни были работящи и приветливы, они сами пекли хлеб и булки, шили и вязали и запасались провизией на зиму. И так всё шло, пока не пришла в деревню старуха Клути и не поселилась в маленьком домике с покосившейся трубой.

Дети этой деревни — что о них скажешь! — были, как все дети на земле, большие и маленькие, иногда послушные, иногда несносные, но все они были счастливы, потому что родители их жалели: кормили, поили и зря не бранили. Любили мальчишки и девчонки бегать на зелёном выгоне, громко кричать и весело смеяться. И так всё шло, пока не пришла в деревню старуха Клути и не поселилась в маленьком домике с покосившейся трубой.

Как-то вечером сидела дочь пастуха добрая Джанет у горящего очага и пряла в неверном свете огня свою пряжу. Тут в комнату вошла матушка и тяжело вздохнула: на полках в кладовке хоть шаром покати.

— В недобрый час пришла к нам в деревню старуха Клути. Никто не виноват, что мы только через неделю узнали о ней. А как узнали, тотчас понесли гостинцы в маленький домик с покосившейся трубой на краю поля Гладоврана. Я ей тогда жаворонков напекла, а вкусней моих жаворонков нет во всём Нортумберленде. Миссис Марджери отнесла кувшин с медовухой, а соседка напротив, миссис Агнес, вязанку дров. И вот, пожалуйста, что получилось.

Взглянула на мать добрая Джанет и печально вздохнула. Кто в деревне не знает, что из этого получилось. Взяла старуха Клути гостинцы и велела соседкам каждую неделю носить. Пусть кто-нибудь попробует не принесёт — куры перестанут нестись, коровы доиться, на скотину мор нападёт. У тех же, кто не уважил старуху, не принёс гостинца, масло не стало сбиваться, мужья приходили с работы с ломотой во всём теле, дети грубили и дрались, а ночью плакали, не давали спать: то у них зуб заносит, то в ухо стрельнёт.

Слишком поздно поняла деревня, что Клути не простая старуха, а злая, вздорная ведьма.

Чего только не носили ей хозяйки, чтобы утихомирить её нрав. И ведь знали, раз в неделю старуха Клути ходит на ярмарку в Ньюкасл, продаёт там яйца, молоко и масло, шерсть и полотно — всё, что они ей надавали, отрывая от себя и своих детей. И получает взамен кругленькие блестящие гинеи, которые кладёт в сумку под фартуком, а вернувшись, прячет где-то в своём домике с покосившейся трубой.

— В недобрый час пришла к нам в деревню старуха Клути, — повторила жена пастуха. — Сколько мы всего ей несём, скоро вся деревня по миру пойдёт. В каждом доме больной, и дети не едят досыта.

— Не плачь, матушка, — говорит добрая Джанет. — Вот увидишь,

старуха Клути ещё пожалеет, что причинила людям столько зла.

А на другой день, как раз в субботу, старуха Клути сама пожаловала в деревню; лицо темнее тучи, брови насуплены. Увидели её хозяйки, попрятались по домам, заперли двери, затворили окна.

— Не смейте запирайтесь! Слушайте, зачем я к вам пришла. Трудно мне стало одной управляться в маленьком домике с покосившейся трубой. В мои годы и на покой пора. Ищу я служанку печи топить, обед варить, дом убирать, пыль вытирать, мести и скрести, чтобы в сковородки я могла смотреться, как в зеркало.

Услыхали это хозяйки и задрожали от страха: хоть и были они теперь бедные, кому же охота отдавать дочь в услужение к ведьме?! Как раз в это время шёл по улице лудильщик. Слышал он, что старуха Клути ходит каждую неделю в Ньюкасл и возвращается домой с золотыми гинеями.

— Возьми мою дочку, — просит, — умную Кейт. Она и здоровая, и обиходная, и работающая. Лучше её никто во всём Нортумберлене сковородки не чистит.

— Пошли её завтра ко мне, — говорит старуха Клути. — Есть будет со мной за столом, спать под столом. А если будет стараться, заплачу ей через семь лет и один день одну блестящую золотую гинею.

Старуха поковыляла домой, а лудильщик пошёл своей дорогой, довольно потирая руки. Собрались хозяйки, судачат, что из этого выйдет. Лудильщик, всем известно, самый прожжённый плут во всем Нортумберлене, а умная Кейт под стать папеньке — большая охотница до чужого добра: где что плохо лежит — живо стащит.

Наутро отправилась умная Кейт к старухе Клути. Вымыла лицо и руки в ручье у мельницы, причесала волосы гребешком, который смахнула с чужого подоконника, нарядилась в красное платье, прихваченное мимоходом с чужой верёвки, да ещё зелёную кофту поверх напялила: дочь кузнеца играла в «Джек-прыгни-через-реку», стало ей жарко, бросила она кофту на куст; тут мимо шла Кейт, ну и поминай кофту как звали.

Пришла умная Кейт в домик старухи, вышел на крыльцо кот Чернулин и давай тереться вокруг её ног.

— Умная Кейт, — говорит, — плесни, пожалуйста, мо лочка в моё белое блюдечко. — И замурлыкал от удовольствия.

— Сам наливай, — ответила коту умная Кейт. — Не нанялась я

котам прислуживать.

Пнула его ногой и постучала в дверь. Поглядел на неё кот и перестал мурлыкать.

Открыла дверь старуха Клути, посмотрела на умную Кейт и осталась довольна — сильная, здоровая, со всякой работой справится.

— Входи, — сказала старуха. — Будешь печь топить, обед варить, дом убирать, пыль вытирать, мести и скрести, чтобы в сковородки я могла смотреться, как в зеркало.

— Это я могу, — ответила умная Кейт.

Вошла в дом, взяла метлу, давай подметать. А кот Чернулин на стуле сидит, на неё глядит и не мурлыкает.

— Только смотри, — говорит старуха Клути, — не вздумай сунуть метлу в печную трубу!

«Ага, вот она где золотые гинеи держит», — сообразила Кейт, а

сама головой кивнула и дальше метёт. Весь день Кейт чистила, мела и скребла. Увидела старуха Клути вечером свое отражение в начищенных сковородках, похвалила служанку и поковыляла наверх спать.

«Пойду и я спать», — подумала Кейт, свернулась калачиком под столом и заснула. А утром проснулась с первыми петухами, взяла метлу и давай шуровать в печной трубе.

Упал оттуда кожаный мешок, набитый блестящими золотыми гинеями. Обрадовалась умная Кейт, взяла мешок, не забыла прихватить зелёную кофту — и вон из дома, пока старуха Клути спит.

Бежит умная Кейт по полю Гладоврану, видит, в конце поля калитка.

— Милая девушка, — говорит калитка, — отвори меня. Сколько лет меня никто не отворял.

Тряхнула Кейт чёрными волосами и замотала головой.

— Сама отворишься, — отвечает. — Мне некогда.

Оперлась рукой о перекладину, перескочила легко через забор и побежала дальше.

Бежит, бежит — на зелёном лугу в жёлтых лютиках корова пасётся.

— Милая девушка, — говорит корова, — подои меня. Сколько лет меня никто не доил.

Тряхнула Кейт чёрными волосами и замотала головой.

— Сама доись, — отвечает. — Мне некогда.

И побежала дальше.

Видит, мельница на берегу красивой реки Тайн, а по ней три неспешные утки плавают да на дно за жирными червяками ныряют.

— Милая девушка, — говорит мельница, — поверни моё колесо. Сколько лет его никто не вертел.

Тряхнула Кейт чёрными волосами и замотала головой.

— Пусть само вертится, — отвечает. — Мне некогда.

А дело в том, что умная Кейт с каждой минутой всё больше злилась: бежала она быстро, запыхалась, мешок с гинейми тяжеленный, да и спать хочется — ведь встала-то она спозаранку.

«Не всё же мне одной мучиться, — сказала она себе. — Кто нашёл золотые гиней? Я. Кто эту тяжесть так долго тащил? Опять я. Так пусть дальше отец тащит». И спрятала мешок в жёлоб, по которому зерно сыплется на мельничные жернова. Потом побежала к отцу и рассказала ему, какая она умная.

Проснулась старуха Клути с третьими петухами, спустилась вниз — пол не метён, очаг холодный, а на поду сажи целая горка. Поняла она, что умная Кейт лазила метлой в трубу и нашла мешок с гинейми.

— Ты у меня за это поплатишься, — сказала ведьма и похромала в погоню.

Миновала поле Гладовран, подошла к калитке и спрашивает:

— Калитка, калитка, не видала ли мою служанку-поганку? В руках у неё кожаный мешок, а в мешке все мои золотые гиней.

— Иди дальше, — отвечает калитка.

Ковыляет старуха по зелёному лугу в жёлтых лютиках, видит, корова пасётся.

— Корова, корова, — спрашивает старуха, — не видала мою служанку-поганку? В руках у неё кожаный мешок, а в мешке все мои золотые гиней.

— Иди дальше, — отвечает корова.

Дошла старуха до мельницы на берегу красивой реки Тайн, где три неспешные утки плавают да на дно за жирными червяками ныряют.

— Мельница, мельница, — говорит старуха, — не видала мою служанку-поганку? В руках у неё кожаный мешок, а в нём все мои золотые гиней.

— Загляни ко мне в жёлоб.

Сунула старуха руку в жёлоб и нашла мешок с блестящими

золотыми гинеями. Взяла старуха мешок, похромала домой и спрятала его опять в покосившуюся печную трубу.

Вернулась Кейт с отцом к мельнице, глянула в жёлоб, а мешка-то и нет. Поняла Кейт, что старуха Клути уже побывала здесь. Испугались они с отцом — с ведьмами шутки плохи, — собрали свои пожитки, перешли мост через красивую реку Тайн, и с той поры о них в Нортумберленде ни слуху ни духу.

В субботу старуха Клути опять приковыляла в деревню.

— Не запирайте окна и двери! — кричит. — Мне нужна честная служанка печи топить, обед варить, дом убирать, пыль подметать, мести и скрести, чтобы я могла смотреться в сковородки, как в зеркало.

На этот раз не было плута лудильщика, который так охотно послал дочь в услужение к ведьме. Потемнело лицо злой старухи, уже готово было сорваться проклятие, но тут заговорила добрая Джанет.

— Возьми меня в служанки, — сказала она кротко. — Я согласна работать семь лет и один день за одну золотую гинею. Обещай только отпускать меня по воскресеньям домой.

Кивнула старуха Клути и похромала домой. Добрая Джанет тут же за ней отправилась; подошли они к двери, вышел на крыльцо кот Чернулин, потёрся вокруг ног девушки и говорит:

— Добрая Джанет, плесни молочка в моё белое блюдечко. — И замурлыкал от удовольствия.

— Охотно плесну, — ответила Джанет и плеснула ему молочка.

— Только смотри, — сказала старуха новой служанке, — не смей лазить метлой в печную трубу. Ни в коем случае.

А кот в это время так громко замурлыкал, что добрая Джанет не разобрала последних слов. Послышалось ей, что старуха Клути как раз велит почистить метлой печную трубу. Улыбнулась она, кивнула и стала пол подметать.

Утром проснулась добрая Джанет с первыми петухами.

«Сегодня я пойду домой к отцу с матушкой, — радостно подумала она. — Вот только надо сперва трубу почистить». Взяла она метлу и сунула в трубу как можно дальше. Ну и конечно, выпал на под кожаный мешок, полный блестящих гиней. Посмотрела на золото добрая Джанет и вспомнила, что случилось с её деревней: дома нетоплены, дети сидят голодные, и всё из-за этой ненасытной ведьмы.

«Пойду домой, спрошу отца с матушкой, что делать с золотыми гинейми», — решила она, взяла мешок и побежала через поле к калитке.

— Милая девушка, — сказала ей калитка, — отвори меня. Сколько лет меня никто не отворял.

— Охотно отворю, — ответила добрая Джанет, открыла калитку и побежала дальше.

Видит, на зелёном лугу в жёлтых лютиках корова пасётся и просит:

— Милая девушка, подои меня. Сколько лет меня никто не доил.

— Охотно подою, — говорит добрая Джанет.

Присела, подоила корову и побежала дальше.

Видит, мельница на берегу красивой реки Тайн.

— Милая девушка, поверни моё колесо. Сколько лет его никто не вертел.

— Охотно поверну, — сказала добрая Джанет.

Повернула колесо и побежала скорее домой.

А старуха Клути проснулась в то утро с третьими петухами. Спустилась вниз, видит, в очаге на поду опять горка сажки. Поняла старуха, что лазила Джанет метлой в трубу и нашла деньги.

— Ты у меня за это поплатишься, — сказала старуха и поковыляла в поле.

— Калитка, калитка, не видела мою служанку-поганку? В руках у неё кожаный мешок, а в мешке все мои золотые гинеи.

Ничего не ответила калитка, ведь Джанет отворила её. И корова ничего не сказала, ведь Джанет подоила её. И мельница промолчала, ведь добрая Джанет повернула мельничное колесо.

На этом и кончилась колдовская сила старухи Клути. И превратилась она из злой ведьмы в беспомощную старушонку, которая никому не нужна и которую никто не любит.

Но так уж случилось, что судьба её оказалась счастливее, чем она того заслуживала. Добрая Джанет с отцом и матерью разделили поровну золотые гинеи между всеми жителями деревни: ведь по справедливости это были их деньги. А узнав, что Клути больше не ведьма, а бедная одинокая старуха, дали и ей немного гиней из кожаного мешка. Добрая Джанет приносила ей иногда гостинцы — яйца, масло, молоко и вкусные жаворонки, которые пекла её мать. Так что остаток дней старая Клути прожила мирно, не зная нужды, вместе со своим чёрным котом в маленьком домике, над которым по сей день торчит покосившаяся труба.

Черри из Зеннора

Черри Притти жила в Зенноре вместе с отцом и матерью, братьями и сёстрами. Хижина у них была совсем маленькая, а клочок земли такой каменистый и неудобный, что, сколько они ни трудились на ней, родила она всего-навсего немного картошки и чуть-чуть зерна. Ещё была у них коза, но бедняжка едва находила травы, чтобы утолить голод, и молока давала — кот заплакал.

Кормились они рыбой и моллюсками, которых собирали на прибрежных скалах. А хлеб ели только по большим праздникам.

Несмотря на такую бедность, все дети росли крепкими и здоровыми.

Но лучше всех была Черри — ладная, работающая, быстроногая. Бывало, затеют бегать вперегонки, она всегда прибежит первая.

Исполнилось Черри шестнадцать лет, и стала она печалиться. Другие девушки ходят нарядные, рассказывают, как веселились на ярмарке в соседнем городке, а Черри ещё ни разу на ярмарке не была; и хотя матушка всё обещала ей сшить новое платье, денег на него всегда не хватало.

Вот и решила Черри покинуть родительский дом и наняться к кому-нибудь в услужение. Попрощалась с отцом и матерью, завязала в узелок свои немудрящие пожитки и, обещав найти место поближе к дому, отправилась куда глаза глядят.

Шла она, шла, дошла до развилки, села на придорожный камень и горько заплакала, так ей стало одиноко и грустно. Совсем было решила вернуться домой, вдруг откуда ни возьмись — хорошо одетый джентльмен.

Очень удивилась Черри: она и не заметила, как этот джентльмен подошёл к ней. Но ещё больше удивилась, когда он обратился к ней по имени:

— Доброе утро, Черри! Куда путь держишь?

— Ищу место служанки, сэр.

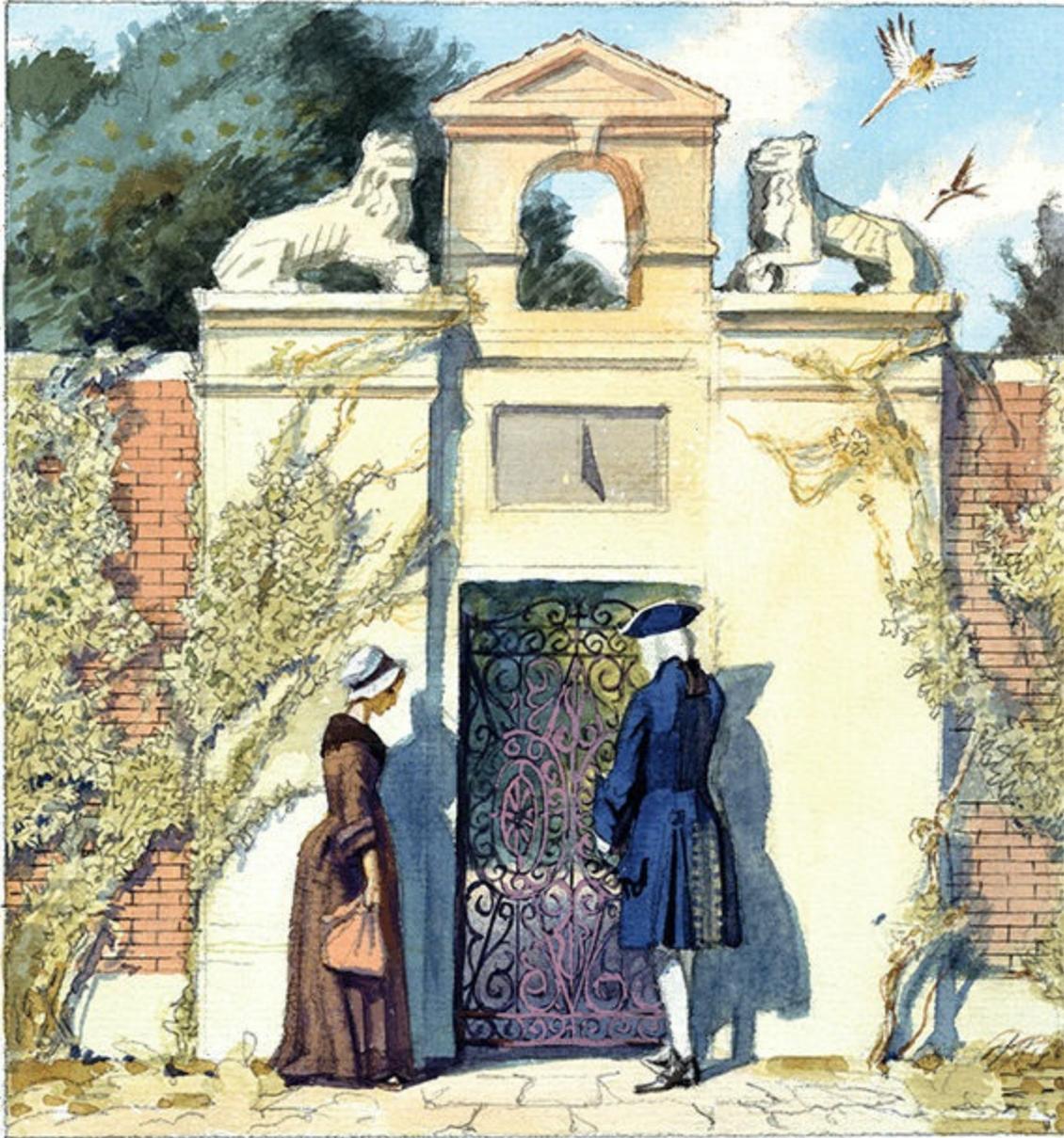
— Вот как мы удачно встретились, Черри. Мне как раз нужна помощница в дом, девушка прилежная и аккуратная. Жена моя умерла, и остался маленький сынок. Если ты любишь детей и умеешь доить

коров, место — твоё.

Черри очень обрадовалась и согласилась пойти с добрым джентльменом. Она и не вспомнила, что обещала отцу с матушкой не уходить далеко от родных мест.

— Ну тогда идем, Черри, — сказал новый хозяин, и они пошли.

Дорога показалась Черри совсем незнакомой. По сторонам пестрели душистые цветы, плакучие деревья навевали прохладу, а в одном месте тропу пересекал прозрачный ручей. Хозяин обнял её одной рукой и перенёс на другой берег, так что Черри и ног не замочила. Постепенно тропа становилась всё уже, темнее, и Черри поняла, что они куда-то спускаются. Сначала Черри испугалась, но хозяин взял её за руку, и ей стало так хорошо, что она могла идти за ним хоть на край света.

Наконец они подошли к высокой ограде. Хозяин отпер калитку и ласково сказал:

— Входи, милая Черри. Вот тут мы и живём.

Черри вошла и остановилась в изумлении. Она и не знала, что бывают такие красивые сады. Кругом благоухали яркие цветы, на ветках зрели плоды и ягоды, над головой порхали диковинные птицы, оглашая воздух весёлым пением. Навстречу им выбежал маленький мальчик.

— Папа! Папа! — кричит.

Мальчик был совсем маленький, а лицом как есть недобрый старик. Выскочила откуда-то уродливая старуха и увела его в дом.

Черри опять испугалась, а хозяин успокоил её, сказал, что это его свекровь Пруденс: как только Черри совсем освоится, уедет старая карга, откуда приехала.

Вошли в дом, в комнатах было так красиво, что у Черри немного отлегло от души.

Сели за стол ужинать, отведала Черри всевозможных яств и совсем забыла про свой страх. После ужина отвела Пруденс девушку наверх в комнату внука, показала её постель и не велела ночью глаз размыкать, а то не ровён час поблазнит. Запретила со внуком разговаривать, а утром наказала встать пораньше, отвести мальчишку на родник, умыть его родниковой водой и ещё глазки протереть зельем из хрустального пузырька, что стоит рядом на большом камне. Велела затем подоить корову и напоить мальчишку парным молоком. Вот и вся работа.

— Только смотри, — прибавила старуха, — не прикасайся этим зельем к своим глазам, худо тебе будет.

Слушала Черри старуху и дивилась: видно, неспроста всё это, кроется тут какая-то тайна. Вот бы в неё проникнуть. Попыталась Черри выведать у мальчишки, а он нахмурился и обещал бабке пожаловаться.

Утром пошли на родник. Умыла девушка хозяйского сынка и глазки зельем протёрла, как было велено. Потом подоила корову и отнесла молоко в дом.

Позавтракали, и Пруденс опять принялась за свои поучения: из кухни не выходить, в комнаты не заглядывать, закрытые двери не отпирать — словом, не совать носа куда не следует.

На другой день Робин, так звали хозяина, послал за Черри — пусть идёт в сад, поможет ему. Обрадовалась Черри — хоть ненадолго избавится от докучливой старухи. Окончили они работу, хозяин, довольный её старанием, поцеловал девушку, и Черри всем сердцем полюбила его.

Спустя немного дней кликнула старуха Черри и повела её по длинному тёмному коридору. Шли они, шли и упёрлись в запертую дверь. Приказала старуха девушке снять башмаки, отперла дверь, отворила створки, и вошли они в большую залу, пол у которой был как будто стеклянный. Огляделась Черри, а зала полна каменных изваяний — дам и кавалеров.

Черри от страха слова не могла вымолвить. Старуха рассмеялась хрипло, дала девушке небольшую шкатулку и велела изо всех сил тереть. Стала Черри тереть, а старуха стоит рядом и велит тереть всё сильнее. Устала Черри и уронила шкатулку на пол. Раздался такой

страшный, неземной звон, что бедная девушка потеряла сознание.

Услышал хозяин шум, вбежал в залу. Увидел, в чём дело, сильно рассердился на старуху и велел ей немедленно убираться из его дома. Потом поднял Черри на руки, отнёс на кухню, побрызгал на неё водой, и она сразу пришла в себя.

Убралась старуха куда-то, и хотя стала Черри полновластной хозяйкой в доме, счастья ей от этого не прибавилось. Робин был всегда добр и приветлив, но запертые комнаты не давали ей покоя. Запрётся он в зале с каменными людьми, и доносятся оттуда весёлый смех и громкие голоса. В доме было столько таинственного — Черри просто сгорала от любопытства.

Каждое утро протирала она хозяйскому сыну глаза зельем из хрустального пузырька. Они начинали чудесно блестеть, и Черри казалось, что мальчишка видит в саду что-то ей незримое. Вот однажды не выдержала Черри и плеснула зельем себе в глаза. В тот же миг вспыхнуло всё вокруг ослепительным светом, глаза точно огнём опалило. Испугалась Черри, нагнулась над родником зачерпнуть холодной родниковой воды и видит: бегают на дне крошечные человечки, а среди них такой же крошечный её хозяин. Подняла Черри голову, огляделась кругом: что это? Весь сад кишит маленькими эльфами: одни высунулись из бутонов, другие качаются на ветках, третьи бегают взапуски по зелёным лужайкам.

Вечером Робин вернулся домой, высокий и статный, как обычно. Отужинав, он пошёл в залу к каменным людям, и Черри могла поклясться, что слышит оттуда прекрасную музыку. Приблизилась она тихонько к запертой двери и глянула в замочную щёлку. Робин стоял в окружении прекрасных дам. Одна была одета как королева. Хозяин подошёл к ней и поцеловал. Бедняжка Черри чуть не умерла от огорчения. Бросилась к себе в комнату, упала на постель и залилась слезами.

На другой день Робин опять позвал её в сад — в саду ведь всегда работы хоть отбавляй. Когда Черри подошла к хозяину, он улыбнулся и поцеловал её. Не совладала с собой Черри.

— Целуй своих эльфов! — крикнула она.

Печально поглядел на неё Робин.

— Милая Черри, — сказал он, — зачем ты нарушила запрет? Зачем плеснула себе в глаза волшебное зелье? Завтра ты навсегда покинешь

мой дом и вернёшься к отцу с матерью.

Утром разбудил он её до свету и велел собираться. Подарил ей платья и другие подарки и дал много денег.

Увязала Черри вещицы, а сердце у неё так и разрывается.

Вышли за калитку. Робин нёс в одной руке её узелок, в другой — фонарь. Обратный путь показался Черри таким долгим. Они шли по тёмным тропам через густой, тёмный лес, и всё вверх, вверх. Наконец тропа привела их на ровное место, и Черри узнала знакомую развилку.

Робин был так же печален, как и Черри; поцеловал её на прощание; глаза у Черри застили слёзы, и она не заметила, как он ушёл. Исчез так же тихо и таинственно, как появился здесь год назад. Долго сидела Черри на придорожном камне и плакала. Потом встала и медленно, понуро побрела домой в Зеннор.

Мать с отцом давно уж оплакали её, думая, что дочери нет в живых. Она рассказала им свою странную историю, и они сначала не поверили ей. Потом, конечно, поверили, но Черри с тех пор сильно изменилась. Соседи говорили, что она повредилась в уме. Каждую лунную ночь выходила она к развилке и долго бродила там в ожидании Робина, но он так и не пришёл за ней.

Умная Унаг

Жили когда-то в Ирландии два великана. Одного звали Кухулин, другого — Фин. Оба сильные и храбрые, только Фин ростом поменьше.

Много страшных историй ходило про этих великанов, про их сражения и славные подвиги. Но есть одна история, которая совсем не похожа на все остальные. Видно, надоедает людям слушать без конца о сечах, кровопролитиях и убийствах, и они с удовольствием смеются над незадачливыми великанами, то и дело попадающими впросак. Вот послушай историю про то, как умная Унаг, жена Фина, перехитрила страшного великана Кухулина.

Дом Фина стоял на самой верхушке крутой горы Сногвали; сказать по правде, не очень-то удобное место для жилья — всем ветрам открыто. Да и воды не наносишься — ручей-то внизу, у подножия. Отлучится Фин по делам, выйдет вся вода в доме — Унаг возьмёт вёдра: вниз-то налегке — ничего, а каково вверх по крутизне тяжёлые бабьи тащить — все руки оттянет.

Но было у такого жилья и достоинство. Сидит Фин у себя на тычке и вертит головой во все стороны — на север, на юг, на восток, на запад. Задумает враг недоброе, пойдёт на Фина войной, а Фин его ещё издали видит — не застанешь его врасплох. Был к тому же у Фина во рту вещий зуб; сунет он большой палец в рот, нащупает в глубине этот зуб — и знает, что сулит ему будущее.

Вот однажды сидит Фин со своей женой дома; тихо кругом, спокойно, никакой опасности. Вдруг видит Унаг, сунул Фин в рот большой палец.

— Что это ты делаешь? — удивилась она.

— О горе! Грозит мне беда неминуемая! Он приближается! — завопил Фин.

— Да кто он-то, говори толком, — спрашивает Унаг, видя, что муж помрачнел, как ненастное воскресенье.

— Кто! Кто! Сам свирепый Кухулин, вот кто!

Плохо дело, думает Унаг, муж её величиной с башню, а Кухулин ещё больше; с кем, с кем, а с Кухулином Фину не следовало бы ссориться.

Всех великанов на многие мили кругом держит Кухулин в страхе. Рассердится, топнет ногой — вся земля ходуном ходит. Как-то стукнул кулаком по молнии — в лепешку сплющил.

Других великанов Фин не боится, а иной раз даже прихвастнёт, что и Кухулин предпочитает держаться подальше от горы Сногвали. И вот на тебе, идёт сюда Кухулин, наверняка замыслил недоброе. Не нравится это Фину, ох не нравится!

— Как бы нам перехитрить этого ужасного великана? Ума не приложу! — горестно причитает Фин. — Можно, конечно, удрать, да позора не оберёшься. Буду до конца дней посмешищем у всего великаньего племени. А как биться с этим чудовищем? Он ведь молнию кулаком сплющил, а топнет ногой — земля ходуном ходит.

— Докуда он уже дошёл? — спрашивает Унаг.

— До Данганнона.

— А скоро здесь будет?

— Завтра в два часа пополудни, — ответил Фин и, взыв, прибавил: — Ох, не избежать этой встречи. Так мне и вещей зуб сказал.

— Ну, ну, муженёк! Не убивайся, не падай духом, — утешает Унаг Фина. — Я, кажется, сумею отвести от тебя эту беду.

— Ох, жена, спаси, если можешь. А то обдерут меня на твоих глазах, как кролика. Или ещё хуже: опозорюсь перед всеми великанами. Вот горе-то! Если бы кто другой шёл, а то ведь этот — потрясающий землю, с каменной лепёшкой в кармане, а ведь эта лепёшка была громом небесным.

— Как тебе не стыдно, Фин! Что за малодушие! Лепёшка, ты говоришь? Сдаётся мне, угощу я этого верзилу своими лепёшками, век будет помнить. Ну перестань же плакать, хватит голосить! Я буду не я, если не сумею обвести вокруг пальца эту ходячую гору.

И с этими словами пошла Унаг во двор, где у неё сохли на верёвке крашенные мотки шерсти. Выдернула девять разноцветных ниток и сплела из них три косицы. Одной обвязала правое запястье, другой — правую лодыжку, а третьей, самой длинной, — туловище под самым сердцем.

Она и раньше так делала, когда муж попадал в беду. Увидел Фин разноцветные повязки на жене — сразу духом воспрял. Не было ещё случая, чтобы крашенные шерстинки подвели.

— Есть ещё время к соседям сбегать? — спросила Унаг.

— Есть, есть, — повеселел муж.

Пошла Унаг к соседям, к одним заглянула, к другим, к третьим. Вернулась домой — в руках целая гора круглых противней, на которых караваи пекут. Замесила теста побольше. Испекла первую лепёшку — отличное вышло печево, величиной с тележное колесо, а потом стала другие печь — особенные, с железной начинкой. Вот зачем ей противни понадобились. Напекла лепёшек с подвохом, убрала в хлебный ларь. Потом отжала творог, сварила десять огромных кочанов капусты да целый свиной окорок и всё это студить поставила.

А как свечерело, разожгла большой костер, сунула пальцы в рот и трижды свистнула. Пусть Кухулин знает, что его ждут на горе Сногвали. Был у ирландцев такой обычай в древности: свистом звать усталого путника к очагу. Не сказала Унаг в тот вечер мужу, что задумала, только расспросила кое о чём. И между прочим узнала, что сила Кухулина заключена в среднем пальце его правой руки.

Наутро стал Фин дозором на своём тычке; немного спустя видит, движется к его горе башня не башня, а сам Кухулин — ростом чуть не до неба.

Влетел Фин в дом — лицо блее творога, что Унаг вечером приготовила. Кричит жене — совсем близко Кухулин! А Унаг улыбается: есть у неё чем гостя встретить.

— Да не бойся ты, муженёк, — говорит она Фину. — Делай, что я тебе скажу. Видишь, я кровать застелила? Дети наши давно из неё выросли. Надевай мой чепец и ночную сорочку, она ведь как есть

детское платье. Ложись в кроватку и лежи в ней тихонько, как будто это и не ты вовсе, а младенец. Укройся пуховым одеялом, помалкивай да на меня поглядывай. Сегодня ты должен за своего собственного сыночка сойти.

Дрожит Фин от страха; едва натянул на себя одеяло, грохнул в дверь страшный удар.

— Входи и будь гостем, — проговорила Унаг.

Дверь распахнулась, на пороге вырос огромный великан Кухулин — явился точно в срок, как звёзды на вечернее небо.

— Мир дому сему! — прогремел он. — Здесь живёт славный великан Фин?

— Где же ему ещё жить! Входи и отдохни с дороги, добрый человек.

— Не с миссис ли Фин говорю? — спросил великан, входя и садясь.

— Конечно с ней. Я и есть миссис Фин, жена великого силача и храбреца.

— Ходит о нём такая слава! Говорят, он чуть не самый сильный великан в Ирландии. Но мне это все равно. Я пришёл к нему помериться силами, хочу одолеть его в честном поединке.

— Ах, какая жалость! — воскликнула Унаг. — Мужа-то моего дома нет. Умчался чуть свет в страшном гневе. Дошёл до нас слух, что один наглец по имени Кухулин отправился искать его на северный берег — туда, где великаны мост до Шотландии строят. Упаси господи, попадёт дурачок на глаза моему мужу. Он в такой ярости, что, боюсь, от бедняги мокрое место останется.

— Кухулин — это я, — нахмурился гость. — И я вызываю Фина на бой. Уже почти год гоняюсь за ним. Это от него мокрое место останется, не от меня.

— Ах, беда! Ты, верно, никогда Фина не видел, — покачала головой Унаг.

— Как же, увидишь его! Бегает от меня, как болотный кулик от охотника.

— От тебя бегают? От такой козявки? Я вот что тебе скажу: самый чёрный день в твоей жизни будет тот, когда ты повстречаешься с Финном. Одна надежда — поутихнет его гнев немного, не то ждёт тебя неминуемая гибель. Отдохни у меня с дороги, а как уйдешь, буду за тебя

молиться, чтобы вы с ним разминулись.

Призадумался Кухулин, услышав такие слова; сидит помалкивает. А Унаг оглянулась кругом, говорит как бы невзначай:

— Что за ужасный сквозняк! Так в дверь дует, того и гляди погаснет огонь в очаге. Жалко, Фина нет. Он бы помог горю. А ты не можешь вместо него одну работу сделать? Не в службу, а в дружбу.

— Какую такую работу?

— Поверни дом к северу задом, к югу передом, чтобы в дверь не дуло. Фин так всегда делает.

Нахмурился Кухулин. Однако встал, дёрнул себя за средний палец правой руки, три раза пальцем хрустнул. Унаг и вспомнила, что в этом пальце у Кухулина вся сила. А Кухулин вышел из дому, обхватил могучими руками дом и поставил его задом наперёд, как Унаг велела.

Бедный Фин, лёжа в постели, чуть не умер от страха: сам он за всю жизнь ни разочка, ни одного-единственного, не повернул дом даже на дюйм.

А Унаг ласково улыбнулась Кухулину и всего только спасибо сказала: дескать, чего особенно-то благодарить — работа пустяковая, всё равно что дверь отворить.

— Раз уж ты такой добрый, — продолжала она, — а Фина нет дома, не сослужишь ли ты ещё одну службу?

— Что ещё такое?

— Ничего особенного. Знаешь ведь, какая была сушь; воды не наносишься — ручей-то внизу, у подножия горы. Так Фин вчера вечером обещал мне поближе вывести воду. А утром в такой спешке умчался с тобой сражаться, что совсем забыл про своё обещание. Надо

только вон ту скалу отворотить, а я пойду пока обед приготовлю.

Привела Унаг великана к скале. А скала — чуть не половина горы, в ней едва заметная трещина, приложишь ухо — и слышно, как в глубине вода журчит.

Нахмурился Кухулин сильнее прежнего: не по душе ему такая работа. Однако дёрнул средний палец три раза, глянул на скалу, ещё три раза дёрнул. Всё равно не по душе — да и то сказать, чуть не всю гору своротить надо.

Но всё-таки хрустнул пальцем ещё три раза — всего, значит, девять, — подошёл к скале, обхватил могучими руками, поднатужился и вырвал из скалы огромный кусок. Получилось на том месте ущелье — четыреста футов глубиной, полмили шириной. Оно и сейчас есть, Ламфордглен называется.

— Вот уж спасибо, — сказала Унаг. — Очень любезно с твоей стороны. А теперь идём домой, попотчую тебя чем бог послал. Фин рассердится, если я тебя голодным отпущу, хоть вы и не дружите. Уж не обессудь, еда у нас скромная.

А Фин так всё и лежит в колыбели. И трясётся от страха. Вошел Кухулин в дом, поставила Унаг перед гостем две банки масла, окорок, целую гору варёной капусты. А напоследок принесла блюдо с лепешками, которые испекла накануне.

— Кушай на здоровье, чем богаты, тем и рады, — говорит.

Налёг Кухулин на окорок с капустой, заморил червячка, к лепешкам приступил. Взял одну — открыл рот пошире, откусил да как завопит:

— Три тысячи чертей!

— Что такое? Что случилось? — удивилась Унаг.

— Ещё спрашиваешь! — кричит великан. — Что ты в эти лепешки натолкала? Два моих лучших зуба сломались.

— Ничего не натолкала. Лепешки как лепешки, — отвечает Унаг, прикидываясь удивлённой. — Я их для Фина пеку. Его сынок — вон он в кровати лежит — тоже их очень любит.

С этими словами взяла Унаг хорошую лепешку, подошла к кровати и дала её Фину, незаметно ткнув его в бок.

Смотрит Кухулин, а «малыш» взял лепёшку, откусил здоровенный кусок и давай жевать.

— Возьми ещё одну, — говорит Унаг и качает головой, как будто

ей жалко Кухулина, — может, помягче будет.

Но и в этой был запечён противень. Куснул её Кухулин со всей силы — стыдно стало, что женщина его жалеет, — да как взревёт пуще прежнего. А Фин с перепугу тоже давай орать.

— Что ты кричишь! Ребёнка расстроил, — говорит Унаг. — Не по зубам тебе Финовы лепёшки, так и скажи.

А Кухулин совсем растерялся, даже, пожалуй, испугался немножко. Может, и впрямь лучше, что они с Фином разминулись. Шутка ли, дома ворочает, горы сокрушает, а тут ещё сыночек как ни в чём не бывало жуёт этот ужасный хлеб. Нет, видно, не сочиняет Унаг про своего мужа-богатыря.

— А может, у всех Финов есть во рту какой-нибудь необыкновенный зуб? — додумался спросить Кухулин.

— Как же, как же, есть, — отвечает Унаг. — Да ты сам посмотри. Я попрошу маленького, пусть ротик откроет, ты и пощупаешь; зуб у него глубоко, почти в самой глотке. Да уж не боишься ли ты?

Ты, конечно, уже догадался, что было дальше. В это и впрямь трудно поверить, не зная, какие глупые бывают великаны.

Кухулин, разумеется не без подсказки Унаг, сунул, дурачок, в рот Фину тот самый палец правой руки, в котором заключалась вся его сила. Фин, может, и не отличался ни храбростью, ни особой смекалкой, но в этот раз не сплеховал: оттяпал у Кухулина его замечательный палец. Как было не воспользоваться таким случаем! Стоит Кухулин посреди комнаты — пальца нет и силы как не бывало. Тут уж Фин расхрабрился, вскочил с постели. Видит Кухулин — дело плохо. И давай бог ноги.

Кухулин с горы, Фин за ним. Силы у Кухулина нет, зато ноги как ветер. Не догнать его Фину. Махнул он рукой и повернул обратно. А Унаг уже и противни из лепёшек вынула. Сели вдвоём за стол и пообедали тем, что умная Унаг для Кухулина приготовила.

Джек — гроза великанов

В царствование короля Артура в графстве Корнуолл на самом краю английской земли жил богатый крестьянин, у которого был единственный сын по имени Джек. Был он ловок, сметлив и находчив. Где силой не взять, брал умом и хитростью. Никто не мог победить его.

В те дни хозяином горы Корнуолл был огромный великан, угрюмый, кровожадный, — сущее бедствие для окрестных городков и деревень. Жил он в пещере глубоко в недрах горы и не терпел поблизости никаких соседей. Питался скотиной тамошних людей; надо пополнить запасы, выйдет он из пещеры и рыщет по округе; что под руку попадёт, то и схватит. Крестьяне, увидев его, бежали куда глаза глядят. Великан мог унести на спине сразу полдюжины быков, а что до овец и свиней — нанижет их на верёвку и обвяжется, точно поясом с бахромой.

Так продолжалось несколько лет, и эти его набеги вконец разорили Корнуоллскую землю.

Случилось однажды Джеку заглянуть в ратушу, где заседали городские власти — судили и рядили, какую награду назначить храбрецу, который убьёт великана. Наконец решили: пусть возьмёт в награду все его несметные сокровища.

— Ладно, — сказал Джек, — попробую убить этого великана.

Взял он рог, лопату с киркой и пошёл к горе. Зимой рано смеркается. Начал он копать яму, копал всю долгую и тёмную ночь. К утру яма была готова — двадцать два фута длины и чуть не столько же ширины. Покрыл он яму длинными жердями, сверху накидал соломы, потом ещё присыпал землёй — совсем ямы не видно. Окончив работу, сел у края, подальше от пещеры; а как совсем рассвело, взял рог и затрубил: тан-тиви! тан-тиви!

Проснулся великан. Соскочил с постели и выбежал из пещеры.

— Ах ты, гнусный бездельник! — заорал он, увидев Джека. — Ты нарочно трубишь, хочешь разбудить меня ни свет ни заря! Ну уж и я потешусь: изжарю тебя и съем на завтрак.

Шагнул вперёд и упал в яму, да с таким грохотом, что гора Корнуолл задрожала.

— Что, изжарил и съел? — рассмеялся Джек. — Значит, вкусней бедняжки Джека у тебя ничего не нашлось на завтрак? Ну так будешь же ты наказан за свою дерзость!

И с этими словами ударил великана по макушке лопатой. Из великана и дух вон. Засыпал Джек яму, обыскал пещеру и нашёл в ней несметные сокровища.

Узнали в городе, что Джек убил великана, и решили называть его отныне «Джек — Гроза великанов», а в награду дали булатный меч-кладенец и пояс, на котором светились золотые буквы:

Это славный Джек-храбрец —
Великанам всем конец.

Скоро весть о победе Джека облетела все западные графства. Прослышал об этом и великан Бландермор и поклялся любой ценой отомстить ему. Жил Бландермор в волшебном замке посреди дремучего леса. Месяца через четыре отправился Джек в Уэльс; идёт он по опушке этого леса; устал, присел на траву у веселого родника и не заметил, как уснул. Спит, седьмой сон видит, а великан Бландермор пошёл тем временем по воду. Увидел спящего Джека, прочитал надпись на поясе и сразу понял, кто забрёл в его края. Взвалил Джека на спину и потащил в свой замок. Продирается сквозь чащобу, треск по всему лесу стоит, Джек и проснулся. Что за напасть — едет на закорках у великана! Это

ему не очень понравилось. Не успел он как следует испугаться, вошёл великан во двор замка, а там вся земля человеческими костями усыпана. Скоро и его косточки будут здесь белеть, пообещал Джеку великан. Запер беднягу в огромную комнату, а сам пошёл за братом, жившим неподалёку, чтобы вместе Джеком полакомиться. Только Бландермор скрылся из виду, слышит Джек громкие стоны и причитания. А один голос всё повторяет:

Уноси скорее ноги,
Великан уж на пороге.
Брата он ходил искать,
Чтоб вдвоём тебя сожрать.

От этих криков и стенаний Джека мороз по коже продрал. Подошёл он к окну, а великаны уже совсем близко. «Ну, — сказал себе Джек, — я на волоске, только не знаю уж от чего — гибели или спасения». В углу его темницы валялась куча верёвок; выбрал Джек две верёвки потолще, сделал на концах петли и ждёт, когда великаны подойдут к воротам. Стали они отпирать кованые ворота, а Джек спустил из окна верёвки, накинул петли великанам на шеи и стал изо всех сил тянуть. Посинели великаны, рукой-ногой шевельнуть не могут. Привязал Джек верёвки к балке, спустился по одной вниз, вынул меч-кладенец и убил великанов. Взял у Бландермора из кармана ключи и отпер все комнаты замка. В одной увидел трёх прекрасных девушек, связанных за волосы и умирающих от голода.

— Благородные леди, — сказал им Джек, — я убил великана Бландермора и его свирепого брата. Вы свободны.

Отдал им ключи и пошёл своей дорогой в Уэльс. Денег у Джека было мало, поэтому он торопился: срезал путь, где мог, и скоро начал плутать; быстро темнело, надо было думать о ночлеге. Видит, в ущелье огромный дом, кто в нём живёт — неизвестно, однако делать нечего. Постучался Джек, вот незадача — открывает ему великан о двух головах, правда, вид у него не такой кровожадный: он ведь валлиец, а валлийские великаны коварны — встретят по-дружески, да потом исподтишка и убьют. Рассказал ему Джек, что сбился с дороги на ночь глядя, провел его великан в опочивальню и уложил спать. А Джек не

спит, уши наострил. Вдруг слышит, великан где-то рядом бормочет:

Кто ко мне домой придёт,
До утра не доживёт.
Крепче нет моей дубины,
Выбьет ум у дурачины.

— Э-ге, — прошептал Джек, — знаем мы твои валлийские штучки!
Ну да тебе меня не перехитрить.

Соскользнул он с кровати, положил вместо себя чурбан, а сам притаился в тёмном углу. Как пробило полночь, вошёл великан в комнату с дубиной в руках и давай молотить по кровати. «Вот хорошо, — думает, — ни одной целой косточки не осталось».

Наутро выходит Джек из спальни как ни в чём не бывало, улыбается, благодарит хозяина за ночлег. Великан глаза вытаращил.

— Как спалось? — спрашивает.

— Отлично. Правда, разок-другой крыса хвостом задела. Ну да я почти не заметил.

Очень удивился великан, приглашает Джека завтракать. Поставил перед ним огромную миску, полную молочного киселя. А Джек хочет показать, что ему это на один зубок. Спрятал себе под рубаху пустой бурдюк и вылил туда кисель незаметно. А потом говорит великану, что сейчас покажет ему одну штуку. Вспорол ножом бурдюк, а кисель и вылился наружу.

— Бьюсь об заклад, — говорит Джек, — тебе такого не сделать.

— Как это не сделать! — рассердился великан, взял нож, вспорол себе брюхо и тотчас умер.

У короля Артура был единственный сын. Просит он отца как раз в это время дать ему денег и отпустить в чужие края: хочет попытать своё счастье. Слышал он, что живёт в Уэльсе прекрасная принцесса, в которую вселилось, ни много ни мало, семь бесов. Вот и решил её спасти. Сколько ни отговаривал король сына, все тщетно; пришлось-таки отпустить своё чадо на чужбину. Снарядил сын двух коней, на одного сам сел, на другого навьючил суму с деньгами и поскакал счастья искать.

Скачет день, скачет другой, и прискакал наконец в большой торговый город. Видит, на площади народу собралось — несчётно. Спрашивает королевич, что такое случилось; покойника, говорят, арестовали, судить будут. Оказывается, покойник при жизни всему городу задолжал.

— Очень жаль, — говорит королевский сын, — что заимодавцы у вас такие бессердечные. Ладно, хороните беднягу, заплачу я его долги.

Весь день шёл народ к королевичу за деньгами, к вечеру карман у него почти совсем опустел.

А Джек — Гроза великанов тоже был в этом городе. Так ему понравилась щедрость королевского сына, что за хотел он стать его слугой. Обговорили всё и поехали дальше. У городских ворот окликает королевича старуха:

— И мне покойник задолжал. Взял у меня много лет назад два пенни, заплати уж и мне, сынок, как другим.

Сунул королевич руку в карман, выскреб всё, что было, и отдал старухе. За обед в тот день заплатил Джек, и остались они без единого пенса.

Совсем стемнело, говорит королевич Джеку:

— Где будем ночевать эту ночь? В кармане-то у нас хоть шаром покати.

— Не беспокойся, хозяин, — отвечает Джек. — В двух милях отсюда живёт мой дядька, огромный и ужасный великан о трёх головах, он один побьёт пятьсот закованных в латы воинов. Они от него летят, как мякина по ветру.

— Увы! — вздохнул королевич. — Как же мы к нему пойдём? Он ведь такой огромный, проглотит нас, как мух.

— Не съест, — отвечает Джек, — я пойду первый, всё устрою. А ты меня здесь подожди.

Поскакал Джек быстрее ветра, остановился у ворот замка и давай стучать, да так громко, что соседние горы эхом откликнулись. Заорал великан из замка громовым голосом:

— Кто там смеет стучаться?

— Это я, твой бедный племянник Джек.

— Какие вести, мой бедный племянник Джек?

— Худые вести, дядюшка, истинно тебе говорю.

— Какие ещё худые! Ты что, не знаешь меня? Я страшный великан, один побиваю пятьсот закованных в латы воинов. Они от меня летят, как мякина по ветру.

— Знать-то знаю. Да идёт сюда королевский сын, а рать у него — тысяча воинов, и все в латы закованы. Хотят они убить тебя и всё твоё добро захватить.

— О-хо-хо, племянник. А и верно, худые вести. Знаешь что? Я сейчас спущусь в подполье, а ты меня запри на крючок, на замок и на задвижку. И держи ключи у себя, покуда королевский сын со своим войском не уберётся восвояси.

Запер Джек великана в подполье, а сам поскакал за королевичем. Знатно они поели, попили, а великан всё то время сидел в подполье и дрожал от страха.

Утром Джек дал королевичу мешок серебра, много всякой еды про запас и проводил на три мили от замка, чтобы великан его не учуял. А сам вернулся и выпустил великана из подполья. Спрашивает великан, что Джек хочет в награду за спасение от неминуемой гибели и разорения.

— Ничего мне не надо, — отвечает Джек, — дай только свой старый кафтан, шапку, ржавый меч да пару башмаков, которые стоят в головах под твоей кроватью.

— Ладно, так уж и быть, бери. Это ведь не простой кафтан, а кафтан-невидимка, не простая шапка, а шапка-всезнайка. Да под стать

им и меч: махнёшь — сто голов с плеч. А уж о башмаках-скороходах и говорить нечего — ветер догонят. Они тебе ещё пригодятся. Дарю их тебе от всего сердца, ещё не раз меня добрым словом помянешь.

Взял Джек подарки, поблагодарил дядюшку, догнал хозяина, и скоро прискакали они ко двору принцессы, которую искал королевич. Узнала принцесса, что королевич приехал свататься, повелела устроить большой пир. Поели, попили, вытерла принцесса губы платочком и спрятала его у себя на груди.

— Принеси мне завтра утром этот платок, — говорит королевичу. — Не принесёшь — велю тебе голову отрубить.

Пошёл королевич в опочивальню, закурился, да шапка-всезнайка его утешила: научила Джека, как достать принцессин платок.

Ровно в полночь вызвала принцесса злого духа и велела ему отнести её к Люциферу. А Джек надел кафтан-невидимку да сапоги-скороходы и помчался вслед за принцессой.

Вошла принцесса в жилище старика Люцифера, дала ему платок и попросила спрятать. Сатана спрятал его на полку, а Джек взял незримо платок и привёз королевичу. Тот его утром и отнёс принцессе.

Рассердилась принцесса, но виду не подала, а вечером поцеловала королевича и велит ему утром показать ей губы, которые целовала ночью. Не покажет — быть ему без головы.

— Покажу, — ответил королевич, — если ты никого больше целовать не будешь.

— На это не надейся, — сказала принцесса. — Так смотри, не покажешь — велю казнить.

В полночь принцесса опять отправилась к старику Люциферу. Попеняла ему, что плохо платок спрятал.

— На этот раз я потруднее задачу задала королевскому сыну. Поцелую сейчас тебя, пусть-ка покажет утром твои губы.

Сказано — сделано; а Джек, который тут же стоял, отрубил Сатане голову и принёс её хозяину под полой кафтана-невидимки. Наутро пришёл королевич к принцессе, держит за рога голову Люцифера. Глянула принцесса на голову, тотчас рассеялись злые чары, которыми околдовал её Люцифер, и предстала она перед королевичем доброй и прекрасной девушкой, какой была прежде.

Сыграли наутро свадьбу и пустились в обратный путь ко двору короля Артура. Поблагодарил король Джека — Грозу великанов за

верную службу и возвёл его в рыцарский сан.

Живёт Джек при дворе короля Артура в праздности и безделье, не по нутру ему такая жизнь. Вот он и говорит королю:

— По всему Уэльсу, ваше величество, живут ещё до сих пор страшные великаны, не дают покоя вашим подданным. Дайте мне доброго коня и мешочек золота на дорогу. Поеду я сражусь с великанами. Избавлю королевство от этой нечисти.

Выслушал король Артур благородную речь Джека — Грозы великанов и приказал дать ему всё, что необходимо воину. Не забыл Джек и подарки своего дядюшки — кафтан-невидимку, шапку-всезнайку, меч-кладенец и башмаки-скороходы. Всё будет сподручнее воевать в предстоящих сражениях.

Скачет Джек по пологим холмам, по крутым горам, на третий день подъезжает к дремучему лесу. Не успел конь войти в лес, слышит Джек ужасные вопли и плач, оглянулся по сторонам, и кровь у него заледенела в жилах. Двигается по лесу огромный великан и волочит за волосы рыцаря и прекрасную леди, да с такой лёгкостью, будто это не люди, а пара перчаток. У Джека от жалости хлынули слёзы из глаз. Выхватил он из ножен меч-кладенец, подбежал к великану, размахнулся

и ударил его. Упал великан замертво — деревья в лесу ходуном заходили.

Горячо благодарили Джека рыцарь и леди, приглашали к себе в замок отдохнуть и развлечься после пережитого, обещали щедро наградить за избавление от страшной гибели. Отказался ехать Джек: честь не велит отдыхать, пока не доберётся он до логова великана.

— Благородный путник, — огорчился рыцарь, — нельзя дважды судьбу испытывать. Этот великан жил в пещере внутри вон той горы вместе со своим братом, ещё более могучим и свирепым великаном. Если пойдёшь туда, обязательно погибнешь. И мы с женой очень будем горевать. Не упрямясь, иди с нами, откажись от опасной затеи.

— Не могу. Будь их хоть двадцать, ни одному не спастись от моего меча. Вот исполню свой долг, расправлюсь с великанами — так и быть, заеду к вам, погощу.

Не проехал Джек и мили, видит, пещера, о которой говорил рыцарь; возле входа на огромном чурбане сидит великан, рядом железная дубина валяется; ждёт, видно, братца с добычей. Глаза — как шары, злобой так и пышут; щёки — точно два жирных окорока, железными иголками оцетинились; волосы — как змеи, извиваются по плечам, только что не шипят. Соскочил Джек с коня, надел кафтан-невидимку, подошёл к великану и тихонько сказал:

— А, вот ты где! Сейчас схвачу тебя за бороду!

Выпучил великан глаза — никого не видит. А Джек подошёл совсем близко, ударил мечом, да промахнулся, только нос отрубил. Завопил великан не своим голосом, замахал дубиной как ошпаренный. Тут Джек и вонзил в него меч. И великану конец пришёл. Упал он и умер. Отрубил Джек ему голову, нанял фургонщика и отправил головы обоих великанов королю Артуру.

После этого вернулся в пещеру искать сокровища. Шёл, шёл по длинным переходам, то влево, то вправо сворачивал, и пришёл в большую комнату, вымощенную белым камнем; в глубине над очагом котёл кипит, по правую руку огромный обеденный стол. Подошёл Джек к зарешёченному окошку, глянул во двор, а там множество несчастных пленников. Увидели они его и давай причитать:

— Бедный юноша! И ты попался в лапы людоедов! Сколько нас здесь томится, а теперь ещё одним узником больше.

— Да нет! — крикнул им Джек. — Ничего я не попался. Хватит

хныкать, скажите лучше, зачем они вас здесь держат?

— Как зачем? Про запас. Захотят великаны есть — выберут кого пожирнее и сожрут.

— Ну и ну, — только и ответил Джек.

Отпер немедленно ворота и выпустил всех на свободу. То-то было радости — ведь это как получить свободу за минуту до казни. Нашёл Джек в пещере сундуки, полные золота и серебра, и разделил их поровну между всеми.

Только к утру простился он с последним узником; оседлал коня и поскакал в замок к спасённому рыцарю — дорогу он знал, рыцарь ему рассказал, как ехать. В полдень Джек уже стучался в ворота замка.

Приняли его с великими почестями. Задали пир на весь мир, знать понаехала отовсюду, веселились и пиروвали несколько дней. Рыцарь подарил Джеку красивый перстень с печатью — великан уносит несчастного рыцаря и его жену, а под ней слова:

Мы в лапы к злодею попались
И с жизнью совсем распрощались,
Но храбрый Джек своей рукой
Вернул нам счастье и покой.

В самый разгар празднеств прискакал всадник с грозным известием: Громодол, великан о двух головах, услышав о смерти сородичей, идёт расквитаться с Джеком. Он уже в одной миле от замка. Местные крестьяне разлетаются от него, как мякина по ветру. Услышал это известие Джек, но духом не смутился.

— Пусть идёт, — говорит. — Я ему устрою достойную встречу. Всех приглашаю посмотреть, как я убью великана.

Рыцарский замок стоял как на острове, окружённый глубоким ровом, полным воды. Через ров вёл к воротам подъёмный мост. Джек велел подпилить его посередине с обоих краёв; взял свой острый меч-кладенец, надел кафтан-невидимку и выступил навстречу великану. Почуял великан Джека и закричал зычным голосом:

Ах, ах! Ух, ух!
Чую человеческий дух.

Мёртвый ты или живой,
Всё равно ты будешь мой.
Я смею тебя в муку
И лепёшек напеку!

— Поговори ещё мне! — крикнул Джек. — Ишь пекарь выискался!
— Уж не ты ли, злодей, убил моих побратимов? Несдобровать тебе! Зубами вцеплюсь, крови напыюсь, кости в порошок сотру!
— А ты сперва догони! — сказал Джек и сбросил кафтан — подразнить великана; надел башмаки-скороходы и помчался как вихрь.

Громодол — за ним, бежит — земля дрожит, не великан, а башня. Долго Джек петлял, чтобы гостей позабавить; взбежал наконец на мост — великан следом, дубиной размахивает. Джека-то мост выдержал, а как великан на середину вступил — мост и рухнул в ров от такой тяжести. Плюхнулся великан головой вниз, ворочается с боку на бок, что твой кит. А Джек стоит у самой воды и насмехается.

Разъярился Громодол, туда-сюда мечется, а выпрыгнуть изо рва не может. Взял Джек верёвку потолще, сделал на конце петлю и набросил на обе головы. Шестёрка лошадей потащила их к берегу; ударил Джек мечом, отрубил сразу обе головы и послал в подарок королю Артуру.

Погостил Джек в замке немного, попраздновал, повеселился, однако пора и в путь-дорогу собираться. Попрощался с рыцарями и дамами и отправился на поиски новых приключений. Скачет по лесам дремучим, немереным, доехал поздно вечером до высокой горы. У подножия стоит одинокий домик, постучал он в дверь, открыл ему древний старик с головой, белой как лунь.

— Отец, — говорит Джек, — не приютишь ли запоздалого путника? Ночь на носу, я с дороги сбился.

— Отчего же не приютить, — отвечает старик. — В моей бедной хижине места для двоих хватит.

Вошёл Джек в дом, сели они вместе за стол, и говорит старик Джеку:

— Вижу я, сынок, что ты знаменитый победитель великанов. Так вот, выслушай меня. Стоит на вершине этой горы заколдованный замок. Принадлежит он великану по имени Галлигантус. Живёт вместе с ним старый злой колдун. Заманивает Галлигантус к себе рыцарей и дам, а колдун, чтоб потешиться, обращает их в диких зверей и птиц. Больше всего мне жаль дочку нашего герцога. Похитили её, когда она прогуливалась в саду, и унесли по воздуху в огненной колеснице, запряжённой драконами. А в замке превратил её колдун в белую лань. Много рыцарей пытались освободить прекрасную девушку, разрушить злые чары. И всё напрасно. Никто не смог одолеть колдуна. Замок охраняют два страшных грифона; сидят они на воротах и убивают каждого, кто приблизится к замку. Но ты, сынок, иди безбоязненно: у тебя есть кафтан-невидимка, и грифоны тебя не заметят. На воротах надпись высечена большими буквами, прочитаешь её и узнаешь, как колдуна победить.

Замолчал старик; протянул ему руку Джек и поклялся, что вызовет из неволи дочь герцога, освободит её от злых чар.

Встал утром Джек, надел кафтан-невидимку, шапку-всезнайку и башмаки-скороходы — приготовился к бою. Залез на вершину горы, глядь, и правда два огнедышащих грифона сидят на воротах. Не заметили они Джека, подкрался он к воротам, видит — висит на серебряной цепочке золотая труба, а под ней надпись:

Кто в трубу златую дунет,
Великана тот погубит.

Не страшны нам колдуны,
Все мы будем спасены.

Прочитал Джек эти слова, взял золотую трубу и заиграл на ней. Дрогнуло тут основание горы, заколебался замок. Испугались великан с колдуном, мечутся, грызут когти, рвут на себе волосы. Знают, что настал их конец. Нагнулся великан за своей палицей, а Джек и отрубил ему голову.

Видит колдун — совсем дело плохо, взвился в небо, подхватил его вихрь и унёс, только его и видели. Разрушились колдовские чары; окутали замок клубы чёрного дыма, а когда дым рассеялся, от замка осталось пустое место. А все дикие звери и птицы опять превратились в рыцарей и благородных дам, какими когда-то были.

Послал Джек, как всегда, голову великана королю Артуру, а на другой день сам отправился ко двору в сопровождении рыцарей и дам, которых он так доблестно спас. Повелел король Артур герцогу выдать дочь за честного Джека в награду за его храбрость. Поженились они, и всё королевство пирило у них на свадьбе. Подарил король Джеку замок, и жили Джек с женой в этом замке долго и счастливо и умерли в один день.

Джек и бобовый стебель

Жила бедная вдова, и был у неё сын по имени Джек. О таких говорят — лень раньше них родилась. Однако плохого о нём никто не мог ничего сказать, он был добр, приветлив и любил мать, а это ведь уже очень много значит.

Жили они тем, что продавали молоко от своей белой коровы; но вот случилось, перестала корова доиться. Ломают бедная вдова в отчаянии руки и говорит Джеку:

— Что же нам делать? Чем будем жить?

— Не горюй, матушка, — отозвался Джек, — пойду поищу работу.

— Ты уже пытался, да что толку. Все знают, какой ты ленивец. Никто тебя в работники не возьмёт. Давай лучше продадим корову и откроем лавку на ярмарке.

Как раз на другой день была ярмарка. Привязала мать на шею корове верёвку, дала конец Джеку и велела ему идти продать корову подороже.

Не прошёл Джек и полдороги, встречает старуху в лохмотьях.

— Доброе утро, Джек, — поздоровалась старуха.

— Доброе утро, — ответил Джек, а сам удивился: откуда старуха знает его имя?

— Куда путь держишь?

— На ярмарку, хочу корову продать.

— А разве ты умеешь коров продавать? — говорит старуха. — По моему, ты даже не знаешь, что с чем надо сложить, чтобы пять вышло. Ну скажи, сколько надо взять для этого бобов?

— Знаю. Два в одном кулаке, два в другом и один во рту.

— Правильно, — кивнула старуха. — Вот тебе эти бобы.

С этими словами полезла она к себе в карман и достала пять очень странных бобов — все разного цвета. Джеку они ужасно понравились.

— Если они тебе так нравятся, возьми их, а мне дай корову взамен.

Джек решительно замотал головой.

— Да ты не сомневайся, — говорит старуха, — это не простые бобы. Посади их вечером, а к утру они вырастут до неба.

— До самого неба? — удивился Джек.

— Конечно до самого, — ответила старуха. — А не вырастут — возьмёшь свою корову обратно.

— По рукам! — воскликнул Джек, отдал старухе верёвку, на которой вёл корову, и сунул пять бобов в карман.

Встретил он старуху не так далеко от дома и поэтому скоро вернулся. Мать, увидев его, удивилась:

— Ты уже вернулся, Джек? Вижу, коровы нет, значит, продал её. Сколько тебе денег за неё дали?

— Ни за что не догадаешься! Да и не денег вовсе!

— Не денег? А что же?

Протянул Джек на ладони пять разноцветных бобов.

— Волшебные! — сказал он. — Посадишь вечером, а к утру...

— Волшебные! — ахнула мать. — Ах ты, дурень этакий, голова безмозглая, — рассердилась она не на шутку. — Ведь у нас и продать-то больше нечего. Такая была чудесная корова! Ни одна корова в нашей деревне не давала столько молока. Ох, Джек, что ты наделал! Погибли мы с тобой.

И бедная женщина залилась слезами. Глянула опять на злополучные бобы, схватила их с ладони Джека и выбросила в окошко. А Джеку велела убираться с глаз долой.

Ничего не ответил Джек матери и пошёл спать. Что ему ещё оставалось делать? Но уснуть он не смог; лежит и думает, а чем больше

думает, тем сильнее расстраивается. Очень ему матушку жалко, ишь как она убивается. Да и живот от голода подвело. Мать в сердцах даже не покормила его. Ворочался Джек, ворочался, под конец всё-таки уснул.

Наутро проснулся Джек, чувствует, что-то не так: солнце снаружи вовсю светит, а в комнате почему-то сумерки. Спрыгнул с кровати, и угадайте, что он увидел? Бобы-то упали на землю, ну и, конечно, взошли, да за одну ночь и выросли. Стебли толщиной в руку и так переплелись, ни дать ни взять — настоящая лестница. Выглянул Джек из окна, задрал голову вверх, а конца-то у лестницы и не видно.

Оделся он поскорее, выскочил во двор: бобы и впрямь выросли до самого неба, и со двора не видать верха.

Скоро и мать вышла во двор, тоже немало удивилась. Говорит Джек матери, что полезет по бобовой лестнице на небо, посмотрит, что там делается. Мать, конечно, давай отговаривать, а Джек ни в какую — полезу, говорит, на небо, и всё тут. Ступил на зелёную ступеньку — ничего, крепкая. Полез вверх и скоро пропал из вида.

Лезет Джек, лезет всё выше. Уже руки и ноги заболели, облака внизу клубятся, а зелёная лесенка всё вверх идёт. Наконец долез до самого неба. Смотрит, место незнакомое. Ни домов, ни деревьев, ни одного живого существа, только голые скалы кругом торчат. Заметил, правда, тропинку, в камне выбита, и пошёл по ней. Идет Джек, навстречу ему та самая старуха, которая дала пять разноцветных бобов.

— Ну что, не жалеешь о своей корове? — говорит старуха.

— Как сказать, — почесал в затылке Джек. — Посмотрим, что дальше будет.

— Матушка тебе про отца рассказывала? — спрашивает старуха.

— Не припомню что-то.

— Тогда садись и слушай. Я тебе расскажу.

И поведала Джеку, что отца его убил злой огр-людоед, а потом отнял у матушки всё их имущество. Отец Джека был добрый человек, помогал бедным и всем с ними делился, потому огр и убил его. И не велел матери никому об этом рассказывать. А если она хоть словом обмолвится, огр придёт к ним и сожрёт обоих.

— А где он сейчас? — спрашивает Джек, сжав кулаки.

Старуха махнула в ту сторону, куда бежала тропа, сказала Джеку,

что ему дальше делать, и исчезла, как растаяла.

Отправился Джек дальше. Идёт, идёт, видит — недалеке огромный дом. Подошел к дому — на пороге стоит великанша.

— Добрый вечер, — сказал ей Джек вежливо. — Дайте мне, пожалуйста, немножко поесть.

Джек ведь ничего со вчерашнего дня не ел: вечером матушка рассердилась и ничем его не покормила, а утром не успел — сразу на небо полез.

— Ты хочешь есть? — отозвалась великанша. — Бедняжка! Да ведь тебя самого съедят, если ты немедленно не уйдёшь. Мой муж — страшный огр, и его любимое блюдо — жаренный на вертеле мальчишка с гренками.

— О, прошу вас, — воскликнул бедняжка Джек, — дайте мне хоть немножко еды! Я уже два дня ничего не ел. И мне всё равно, как умереть — с голоду или на вертеле.

Пожалела великанша Джека, пригласила на кухню, дала ломоть хлеба, кусок сыра и кувшин молока. Не успел Джек справиться с едой, как слышит: бух-бух-бух — шагает великан в сенях, так что дом трясётся.

— Боже мой, никак муженёк вернулся! — воскликнула жена огра. — Прыгай скорее сюда! — И спрятала Джека под печку.

В этот миг в кухню вошёл великан, какого и вообразить себе трудно; на поясе три телёнка висят, связаны за ноги. Бросил огр их на пол и говорит:

Ох-ох! Ух-ух!
Чую человеческий дух!
Мёртвый ты иль не совсем,
Все равно тебя я съем!

— Не болтай глупости! — сказала ему жена. — Ты, видно, уже совсем спишь.

И стала готовить ему на ужин телятину. Ходит по кухне туда-сюда и заглянула незаметно под печку. А Джек там ни живой ни мёртвый от страха. Хотел наружу выскочить, а она ему не велит.

— Подожди, — говорит, — пока муж уснёт. Огры всегда после еды спят.

Изжарилась телятина, поел огр, подошёл к огромному сундуку, достал оттуда большой мешок с золотом и начал считать. Считает, а сам носом клюет; и скоро захрапел так, что дом зашатался.

Услышал Джек его храп, вылез из-под печки, идёт мимо огра на цыпочках, а у того на коленях мешок с золотом. Взял Джек мешок тихонько, взвалил на спину, вышел из дому и бегом по знакомой тропе обратно.

Добежал до бобовой лесенки, глянул вниз — земля облаками затянута; бросил он всё-таки мешок с золотом за край неба и попал точно в огород своей матушки, а сам стал по лесенке спускаться. Ох и длинный был спуск! Долго ли, коротко ли, добрался наконец до дому, рассказал матушке про свои приключения и отдал ей мешок с золотом.

Обрадовалась матушка — не умрут теперь они с голоду. Одно плохо: узнал Джек про отца, спустится теперь огр с неба и сожрёт их обоих.

Немного погодя решил Джек опять лезть на небо по бобовой лесенке, надо ведь за отца отомстить. Переоделся, так что родная мать не узнала, и полез. Долго ли, коротко ли, вот уж он и на небе; пошёл по знакомой тропе к дому, где огр живёт. Вышла на крыльцо великанша и не признала Джека.

— Доброе утро, госпожа, — поздоровался он вежливо. — Будьте так добры, покормите меня.

— Уходи скорее отсюда, парень, — сказала великанша. — Вот вернётся мой муж и съест тебя!

Но от Джека так просто не отделаешься. Сначала великанша и слышать ничего не хотела, но он так жалобно просил хоть корочку хлеба, что великанша не выдержала ипустила его в дом; дала ему, как тогда, хлеба, сыру и кувшин молока. Только Джек стал есть, опять огр затопал в сенях, так что дом затрясся. Спрятала великанша Джека под печку, как в прошлый раз.

Опять говорит огр, что чует человеческий дух, опять жена отвечает, что поблазило ему. На этот раз принёс великан с охоты быков. Стала жена огра готовить обед, и скоро на кухне вкусно запахло жареным.

Поел огр и говорит жене:

— Принеси мне мою курочку, что несёт золотые яйца.

Принесла жена курочку. А Джек из-под печки за ними подглядывает. Велит огр курице:

— Несись!

Курица и снесла ему золотое яичко. Оно так и вспыхнуло на солнце. Подождал Джек, пока людоед захрапит, выскочил из-под печки,

схватил курицу и наутёк. Да не тут-то было. Только дверь открыл — курица как закудахчет! У Джека сердце в пятки ушло, но людоед не проснулся, только крикнул впросонках:

— Жена, что ты там делаешь с моей курицей?

Джек, само собой, не стал дожидаться, что жена огру ответит. Пустился во весь опор по тропинке, добежал до бобовой лесенки и спустился как можно быстрее.

Пришёл домой, показал матери чудесную курочку, велел ей нестись, она и снесла золотое яичко, как будто её огр попросил.

Может, ты думаешь, что Джек на этом угомонился? Ничуть не бывало. Он ненавидел огра и решил во что бы то ни стало отомстить ему за отца.

Встал он однажды пораньше и, не сказавшись, опять на небо полез. Лезет, лезет по бобовой лесенке, вот наконец и небо. Пошёл по знакомой тропе, дошёл до дома, где огр жил, и спрятался за скалой. А великанша как раз по воду пошла с огромной бадьёй. Воспользовался Джек случаем, вбежал в дом и спрятался, но не под печку, а в большой медный котёл.

Недолго пришлось ему в котле ждать. Входит в дом великан, за ним его жена с бадьёй. Стал огр вертеть головой и принюхиваться:

Ох-ох! Ух-ух!
Чую человеческий дух!
Мёртвый ты иль не совсем,
Всё равно тебя я съем!

— Эй, жена, человеческим духом пахнет. Говорю тебе, пахнет.

— Вот ведь напасть, — отвечает жена. — Эти мальчишки — сущее бедствие. Один у нас мешок с золотом украл, другой — твою любимую курицу. Если этот из их же компании, наверняка под печку спрятался.

Заглянули под печку, а догадливый Джек сидит в медном котле и помалкивает. Стали великаны искать его по всему дому. Устала жена, запыхалась и говорит огру:

— Вечно ты своё «ох-ох! ух-ух!». Видишь сам — никого нет.

Поискали ещё немного. Махнул наконец огр рукой и сел обедать. Поднёс ко рту ломоть хлеба — нет, невозможно есть, человеческим духом

так и разит. Выскочил он из-за стола, все буфеты обшарил, все кладовки — никого! А в медный котёл не догадался заглянуть. Сел опять за стол, поел и кричит:

— Жена, неси мою золотую лютню!

Принесла ему великанша золотую лютню; блестит лютня так ярко, всю кухню золотым светом озаряет. Велит ей огр:

— Пой!

И запела лютня, да так нежно, так сладко; слушал огр, слушал и уснул.

Только великан захрапел, поднял Джек крышку котла и вылез тихонько наружу. Подполз к столу, встал на цыпочки, схватил золотую лютню и к двери — так быстро, как только мог. А лютня как закричит:

— Хозяин! Хозяин!

Тут уж огр проснулся, вскочил на ноги, да только и заметил, как лютня в дверях блеснула.

Бежит Джек быстрее ветра, а огр — за ним. Поймал бы его огр, как

пить дать поймал, если бы в первый миг от удивления не замешкался.

Добежал Джек до бобовой лесенки, а огр уже в двух-трех скачках от него. Вдруг — что такое! Исчез Джек, как сквозь землю провалился. Огр даже рот раскрыл от изумления. Заглянул вниз, а Джек быстро-быстро руками-ногами перебирает, по зелёной лесенке на землю спускается.

Стоит огр на самом краю и голову ломает: что делать? А золотая лютня зовёт снизу:

— Хозяин! Хозяин!

Услыхал её огр, схватился за стебли и тоже стал вниз спускаться. Бобовая лесенка, конечно, согнулась под такой тяжестью.

Всё быстрее и быстрее спускается Джек, да и огр поспешает. Кричит Джек матери:

— Матушка, неси скорей топор! Неси скорей топор!

К счастью, мать услышала, выскочила с топором из дому, глянула вверх и обомлела: торчат из облаков огромные великаны ноги — сначала ступни, потом и колени высунулись.

Тут как раз Джек прыгнул на землю, схватил у матери топор и ударил изо всех сил по бобовой лесенке. Чувствует огр, заколебались под ним зелёные плети. Ударил Джек ещё раз — рухнула наземь лесенка, а вместе с ней злой, жестокий огр упал замертво. Вот и пришёл конец людоеду, отомстил за отца Джек.

С тех пор зажили Джек с матерью богато и весело; была у них курица, которая несёт золотые яйца, и поющая золотая лютня. Женился Джек на принцессе; жили они долго, счастливей их не было никого во всём свете.

Пещера короля Артура

В глухой валлийской деревушке жил молодой человек по имени Эван. Зарабатывал он на пропитание тем, что помогал деревенскому пекарю. Но пекарь очень мало ему платил. И решил Эван покинуть родную деревню и пойти в Лондон — там-то он наверняка разбогатеет.

Ранним утром попрощался он с пекарем и пустился в дорогу. Был у него с собой каравай ещё тёплого хлеба да несколько шиллингов в кармане. Шёл он всё утро, шёл ходко, устал, проголодался и сел поесть хлеба в тени большой скалы у дороги. У самого подножия скалы рос молодой орех; срезал Эван с него крепкую, ровную ветку для посоха и пошёл дальше.

С посохом идти стало легче. Шагает Эван по дороге, весело насвистывает, и дошагал наконец до Лондона. Вошёл через городские ворота, каких много вокруг Лондона, и сразу двинулся к реке. Стоит на берегу, глазеет на корабли и лодки. Подходит к нему старичок, маленький, сгорбленный, с густой белой бородой почти до пояса.

Остановился и смотрит пристально на него.

Дивится парень, что это старик вздумал его разглядывать, и решил с ним заговорить.

— По-моему, Лондон — очень хороший город, — сказал он.

— Есть такие, кто так думает, есть, — ответил старик, покачивая головой. — А тебя что привело в этот очень хороший город?

— Я иду счастье искать. В Лондоне, говорят, можно разбогатеть.

Повернулся старик и вперился в него взглядом. Да так странно смотрит, Эвану даже не по себе стало. Помолчал старичок немного и говорит:

— Если хочешь разбогатеть, зачем так далеко шёл? Возвращайся к тому месту, где эту палку срезал, что у тебя в руке.

— Палку? А палка тут при чём?

— Палка при чём? Ты где её взял?

— А тебе какое дело? — буркнул Эван и пошёл было прочь: старик-то, верно, спятил.

— А такое, — медленно произнёс старик, — что спрятаны в том месте груды золота и серебра, чаши и блюда всякие, самоцветами выложенные.

— Золото, самоцветы! И я могу их найти?

— Можешь, конечно, если вернёшься туда, где срезал палку. Помнишь ореховый куст?

— Что растёт у подножия высокой скалы? Помню.

— Это не простая скала. Про короля Артура слышал?

— Конечно слышал. Многие рассказывают о великом короле и его рыцарях. Жили они когда-то в Уэльсе, да давно умерли.

— Не умерли, а спят. Уже сотни лет спят они в недрах этой скалы. А вокруг них — несметные сокровища.

У Эвана даже глаза полезли на лоб.

— Вот бы добраться до этих сокровищ! Скажи скорее, добрый старик, может ли простой смертный войти в ту скалу, где спит король Артур со своими рыцарями?

Старик ответил ещё медленнее:

— Может-то может, но не так это просто. Пожалуй, я сам пойду с тобой. Без меня тебе ни за что до сокровищ не добраться.

Обратная дорога в Уэльс показалась Эвану очень долгой. Старик шёл молча, не отвечая на расспросы, так что Эван больше ничего не узнал.

Пришли наконец на место, где Эван остановился первый раз по пути в Лондон.

— Вот он, куст, — сказал Эван и показал старику молодой орех. — Видишь, срез ещё свежий. Здесь я и срезал палку.

Поглядел он на скалу — гладкая, ни щели, ни трещины.

— Ступай за мной, — приказал старик. — И делай всё точно, как я велю, не то будет худо. Дело это опасное.

Раздвинул он ореховый куст, а там — расщелина. Вошли в неё и очутились в узком проходе. Посредине растопырился огромный серебряный колокол, на длинной цепи подвешен.

— Осторожно, — предупредил старик. — Смотри не задень.

Проскользнули благополучно; узкий ход привёл их в огромную залу. У Эвана даже дух захватило — такое странное открылось зрелище.

Зала была полна спящих рыцарей; в блестящих доспехах, опоясанные мечами, сидели они вокруг длинного стола и, казалось, были погружены в глубокий сон. Одни спали, уронив голову на стол, другие — откинувшись на спинку стула, два или три рыцаря почивали прямо на полу; в зале ясно слышалось их мерное дыхание. Эван стал высматривать среди них короля Артура; во главе стола в большом кресле с высокой спинкой восседал рыцарь, у которого и во сне был королевский вид. На столе поблескивали золотые кубки, чаши, на мечах переливались изумруды и рубины.

— Можно, я возьму что-нибудь? — прошептал Эван.

— Нет, нет! К этим сокровищам нельзя прикасаться. Они должны оставаться здесь, покуда король Артур спит. Но взгляни, — махнул

рукой старик, — здесь есть ещё кое-что. Это ты можешь взять.

И Эван увидел целую гору золотых и серебряных монет. Он так и ринулся к ним, но старик удержал его:

— Рыцари сейчас спят, но могут проснуться. И тогда тебе несдобровать. Пойдём обратно, смотри не задень колокол. Услышат рыцари, проснутся, и живым не выйдешь.

— Не бойся, не задену.

— Не заденешь, если жадность не одолеет. А заденешь — загудит колокол, разбудит рыцарей, и они спросят: «Уже день?» — ты им

бесстрашно отвечай: «Спите, ещё ночь». И они опять погрузятся в сон. А теперь прощай. Пора мне. Смотри не забывай, что я тебе сказал.

И старик исчез, как будто его и не было. Эван не мог понять, куда он делся, но не стал ломать голову — чего зря время терять?

Приблизился он к груде монет, взял пригоршню, полюбовался. Набил карманы — больше сыпать было некуда, — зачерпнул ещё две пригоршни и с досадой отвернулся: груда золота и не уменьшилась.

Пошёл он назад через зал, оглядывается на спящих рыцарей: боится выронить хоть монету, боится споткнуться и упасть, а пуще всего сокрушается, что так мало захватил золотых монет.

Наконец вышел из зала, рыцари всё продолжали спать. Двинулся, осторожно ступая, мимо колокола, тут одна монетка возьми и выскользни сквозь пальцы. Эван нагнулся за ней и задел плечом колокол.

Глубокий, чистый звук наполнил пещеру. Два рыцаря подняли головы. Эван с ужасом увидел, как они медленно поднимаются со своих стульев.

— Уже день? — спросил один сонным голосом.

— Спите, ещё ночь, — быстро промолвил Эван.

Рыцари сейчас же опустились на стулья, и веки у них опять смежились.

Гул колокола затих, Эван слышал только мерное дыхание спящих рыцарей и громкий стук собственного сердца. Наконец добрался он до выхода из пещеры и не помня себя выскочил наружу. Разжал ладони, и на землю упали тяжёлые круглые монеты. Вывернул карманы и как замороженный смотрел на рассыпанное золото.

— Вот оно, богатство! Здесь столько, что хватит жить в довольстве до конца дней.

Выстроил Эван на золото короля Артура большой, крепкий дом и стал жить припеваючи, не отказывая себе ни в чём. Золото быстро таяло, но он утешал себя тем, что всегда может вернуться в пещеру короля Артура и набрать золота сколько душе угодно.

Прошло года три; половины монет не стало, и Эвану всё чаще мерещилась золотая гора у ног короля Артура.

— Ах, как мало золота взял я тогда! — попрекал он себя. — Но ведь некуда было сыпать, кроме карманов. Надо вернуться туда с целым мешком, нет, даже с двумя мешками.

Так манила его пещера короля Артура, что решил он не ждать, пока иссякнет всё золото. Сел утром на коня, взял с собой два больших мешка, много всякой снеди и поскакал к той скале. Скачет он на вороном коне и вспоминает тот дальний день, когда отправился пешком в Лондон на поиски счастья: был у него с собой каравай ещё теплого хлеба да несколько шиллингов в кармане.

Прискакал он к скале, нашёл вход в расщелину, осторожно, бочком проскользнул мимо колокола и опять очутился в огромной зале. Там всё было как три года назад. Король Артур и его рыцари всё так же спали богатырским сном, а гора золота и серебра ничуть не уменьшилась.

Сунул Эван руку в эту гору тяжёлых холодных монет и стал горстями сыпать их в свои мешки. Вот счастье-то — богаче его теперь никого не будет во всём свете. Наконец наполнил мешки, а они такие тяжёлые, что от пола не оторвешь, — волоком тащить и то трудно. Делать, однако, нечего — выволок Эван мешки из зала, присел на минутку отдохнуть, отдышаться не может.

Вдруг почудилось ему — один рыцарь шевельнулся.

«Скорей надо ноги отсюда уносить», — подумал Эван. И опять поволок мешки. Осталось только колокол миновать. Так и эдак пытался Эван просунуться и задел всё-таки одним мешком серебряный колокол.

Громко загудел колокол, сильнее, чем в прошлый раз. Казалось, вся скала наполнилась гулом. Сразу десять рыцарей подняли головы.

— Уже день? — вскричали они.

— Нет, нет, — закричал Эван, — ещё не день!

Позабыл от страха, какие слова надо сказать.

Бросились на него рыцари и давай бить. Били, били, ни одной целой косточки не оставили. А потом взяли и выбросили из пещеры. Сколько времени Эван лежал без сознания, не помнит. Очнулся, рад, что жив остался, сел кое-как на коня и поскакал домой.

С тех пор и стала у него одна нога короче другой. Скоро все деньги вышли, и пришлось ему опять браться за работу. Никогда больше не наведывался Эван в пещеру короля Артура. Мирно спят в ней рыцари и по сей день, а вместе с ними спят их несметные сокровища.

Тамлейн

Давным-давно жила в отцовском замке прекрасная Джанет. Отец её, граф Марчский, был богатый и могущественный лорд.

День-деньской сидела она со своими подружками в высокой башне и вышивала шёлком. Скучно ей сидеть, нет-нет и глянет прекрасная Джанет в окно. А там густой Картергафский лес так и манит погулять по зелёным дубравам. Но девушкам строго-настрога запрещалось ходить туда: в том лесу охотились рыцари-духи из свиты королевы эльфов. А водиться с эльфами, говорят старые люди, очень опасно.

В один ясный, солнечный день надоело прекрасной Джанет сидеть за пяльцами. Соскользнуло у неё с колен шитьё, подошла она к окну да и уронила иголку на землю. И, никому не сказавшись, убежала в лес.

Гуляет прекрасная Джанет среди высоких деревьев, глядь, красавец конь к дубу привязан. Белый как мо локо, и покрыт золотой попоной. Налюбовалась им Джанет и пошла дальше. Видит, на лужайке розовый куст весь усыпан цветами. Сорвала Джанет розу, откуда ни возьмись вырос перед ней статный, красивый юноша.

— Зачем ты сорвала розу, прекрасная Джанет? Зачем цветок погубила? — спрашивает он девушку. — Как смела войти в Картергафский лес без моего позволения?

— Я могу рвать цветы где хочу, — гордо тряхнула головой Джанет. — Не ты хозяин Картергафского леса. Чего ради спрашивать твоего позволения?

Услыхав этот дерзкий ответ, молодой рыцарь весело рассмеялся, зазвенел девятью колокольчиками, что висели у него на поясе, и повёл с девушкой ласковую беседу.

Весь день танцевала Джанет с юным Тамлейном на зелёных лужайках. И чудилось ей — играет нежная музыка и чей-то голос поёт:

Прекрасна милая Джанет,
Прекраснее на свете нет.
Одну её лишь я люблю
И о любви молю.

Любовь моя, милый дружок,
Чиста и свежа, как майский цветок.

Стало смеркаться, и прекрасная Джанет заторопилась домой: вдруг отец её хватится? Вбежала в ворота замка, ступила на порог залы: что такое? Ноги не идут, как свинцом налились.

А в зале её подружки, двадцать четыре фрейлины, играют в мяч. Смотрят они на Джанет и диву даются: что с Джанет случилось? — бледная, измождённая, точно подменили её.

Назавтра сели подружки за шахматы, а прекрасная Джанет съёжилась в кресле, поникшая, печальная. Так бы и выпорхнула сейчас в окно, полетела в Картергафский лес, где ждут её молодой рыцарь, нежная музыка и весёлые танцы на лесных лужайках.

— Увы, прекрасная Джанет, — заговорил один старый рыцарь, — боюсь, танцевала ты вчера с эльфом, да и приворожил он тебя. Узнает твой отец, граф Марчский, — не миновать нам его гнева. Попомни мои слова, дружба с эльфами хорошего не сулит.

— Замолчи сейчас же! — крикнула прекрасная Джанет и залилась слезами. — Мой рыцарь — земной юноша. Прекраснее жениха не было ни у одной девушки.

Конь моего жениха
Быстрее ветра летит.
Уздечка его — серебро,
Грива золотом горит.

Но хотя прекрасная Джанет так смело возразила старому рыцарю, в глубине души она и сама боялась: вдруг юный Тамлейн — эльф из Картергафского леса?

Нет больше сил у прекрасной Джанет сносить разлуку, махнула она рукой и убежала снова в Картергафский лес — будь что будет. Идёт по лесу, то ветку сорвёт, то за цветком нагнётся. Где ты, весёлый рыцарь Тамлейн?

А он тут как тут, вышел из-за розового куста.

— Скажи мне, юный Тамлейн, — говорит ему девушка, — земной ты человек или эльф из Картергафского леса?

— Не бойся, прекрасная Джанет, — отвечает Тамлейн. — Не эльф я, хоть и живу при дворе королевы эльфов. Отец мой — благородный рыцарь, и рождён я земной матерью.

Сели они на лужайке, и поведал ей Тамлейн свою историю:

В замок к себе меня взял
Роксбург, мой старый дед.
Раз на охоту я поскакал,
Нарушил его запрет.

Холодный вихрь вдруг налетел,
И я с коня упал,
Непробудный сон меня одолел,
Долго в лесу я спал.

Королева эльфов меня унесла,
С тех пор я её вассал.

— Легко и весело жить в стране эльфов, — продолжал Тамлейн. — Королева любит меня, придворные оказывают почести. Земной человек мог бы вечно жить с эльфами, если бы не грозила ему опасность.

— Какая опасность? — спрашивает прекрасная Джанет.

— Скоро семь лет, как живу я у эльфов. Но только вчера узнал, что раз в семь лет королева платит дань страшным троллям. Боюсь, что отправят меня скоро на съедение горному королю.

— А как спасти тебя, Тамлейн?

— Одно скажу — спасти меня может девушка, которая не боится чар королевы эльфов.

— Я не боюсь. И вот увидишь, спасу тебя. Только скажи, как это

сделать.

— Не очень-то легко. Да и медлить нельзя. Сегодня ночью соберутся в Картергафский лес эльфы и феи, будут веселиться, танцевать и скакать на своих волшебных конях. Если хочешь спасти меня, выходи в полночь на развилку Майлз-кросс, что на дальней опушке леса. Там стоит каменный крест. Очерти рядом круг, встань в него и жди моего появления.

— А как я узнаю тебя? Там ведь будет много рыцарей.

— Только пробьёт полночь — поскачет свита королевы эльфов. Но ты не бойся, они тебя не заметят.

Сперва вороные поскачут,
Гнедые следом пойдут,
Я на молочно-белом.
Смотри, дружок, не забудь!

Конь твоего жениха
Быстрее ветра летит.
Уздечка его — серебро,
Грива золотом горит.

И ещё запомни: на короне моей звезда — знак, что я земной рыцарь. Как узнаешь меня — хватай коня за уздечку. Соскочу я на землю, а королева громко воскликнет: «Похищен честный Тамлейн!» Ты уздечку брось, хватай скорее меня и держи крепко-крепко. Я скинусь ящерицей, змеей, потом оленем. Буду рваться у тебя из рук, а ты держи, не выпускай. Наконец превращусь я в раскалённый железный прут. Больно будет ладоням, всё равно держи.

Тогда заклятье эльфов падёт —
Я снова рыцарь земной!
Напрасно меня королева зовёт,
Напрасно шлёт пака за мной.

Умчимся с тобою в замок к отцу,
Мои злоключенья подходят к концу.

Сказал эти слова юный Тамлейн и исчез, как растаял. Идёт Джанет одна по лесу, и чудится ей — играет нежная музыка и чей-то голос поёт:

Прекрасна милая Джанет,
Прекраснее на свете нет.
Одну её лишь я люблю
И о любви молю.

Любовь моя, милый дружок,
Чиста и свежа, как майский цветок.

В третий раз убежала Джанет украдкой в Картергафский лес. Пришла на развилку Майлз-кросс в глухую полночь, очертила круг у каменного креста, встала в него и ждёт.

Вдруг чудится ей уздечки звон
В глухой ночной тиши.
Всё ближе и ближе слышится он,
К ней юный рыцарь спешит.

Как Тамлейн сказал, так всё и вышло. Скачут эльфы на вороных конях, следом скачут гнедые. Вот наконец и рыцарь на белом коне.

В короне его звезда,
Конь как вихрь летит,
Уздечка из серебра,
Грива златом горит.

Схватила Джанет коня за уздечку, и пронёсся по лесу

нечеловеческий вопль:

— Похищен честный Тамлейн!

Держит Джанет любимого крепко-крепко. А он то ящерицей обернётся, то змеей, то оленем; вот-вот из рук вырвется. Из последних сил держит его прекрасная Джанет. Вдруг зашипел у неё в руках раскалённый железный прут, она и тут рук не разжала. Прошептала только:

— Не стерплю, брошу — навсегда потеряю Тамлейна.

И вот уж он у неё в руках
Стал человеком земным.
Напрасно его королева зовёт,
Напрасно шлёт пака за ним.

Вздохнула она печально
В тёмной чаще лесной:
— Ах, какое несчастье!
Похищен рыцарь земной.

Гневается королева,
Как её не понять,
Похищен рыцарь прекрасный,
Ей уж его не видать.

— Прощай, Тамлейн, прощай! — крикнула ему вслед королева. — И помни: знай я вчера, что знаю сегодня, обратила бы твоё сердце в камень; знай я вчера, что знаю сегодня, обратила бы твои ясные очи в лесные гнилушки! Ах нет, Тамлейн, не слушай меня! Знала бы я вчера, что знаю сегодня, я бы всемеро больше отдала горному королю, только бы ты всегда был со мной!

Прокричала эти слова королева эльфов и умчалась в лес со своей свитой.

А прекрасная Джанет привела Тамлейна к отцу, рассказала, как спасла юного рыцаря от чар могущественной королевы. Устроил граф Марчский молодым пышную свадьбу.

Жили они долго и счастливо и умерли в один день.

Русалка из Колонсея

Жил когда-то на острове Колонсее молодой князь по имени Эндрю, и славился он на всю Шотландию своим воинским умением и доблестью. Любил князь прекрасную девушку Мораг, и она любила его. Вот раз сидят они вместе, мечтают о близкой свадьбе, как вдруг едет гонец от шотландского короля. Представился князю и говорит:

— Привёз я из-за моря колонсейскому князю письмо от короля.

Распечатал Эндрю письмо, и лицо его омрачилось.

— Враг напал на Шотландию, — сказал он невесте. — Король призывает меня под свои знамёна. Не будет у нас через месяц свадьбы, дорогая Мораг.

Приказал князь немедленно снарядить ладью и пошёл проститься с невестой. Взяла Мораг руку любимого и надела ему на палец перстень с красным камнем — рубином.

— Не снимай его, — сказала. — Покуда горит рубин алым огнём, знай, сердце моё принадлежит тебе.

Поцеловал её князь и отплыл в Шотландию.

Много недель длилась жестокая битва, наконец выгнали врага за пределы Шотландии. Исполнил Эндрю свой ратный долг и с лёгким сердцем пустился в обратный путь на запад. Часто смотрел молодой князь на заветный перстень, который горел у него на пальце, как капелька крови. Значит, верна ему Мораг, ждёт его на родном острове.

Море было спокойно, сильно и слаженно гребла дружина. Вот уж погас дневной свет, засеребрилась на море лунная дорожка, и поднялся вдали над водой родной остров. Не спится молодому князю, ходит он по ладье, мечтает о невесте.

Вдруг — что это? Качается на волне красавица с распущенными золотыми волосами.

Откуда она здесь, уж не упала ли с какой-нибудь лодки? Приказал князь своим людям сушить весла. А они как не слышат, и скользит ладья вперёд все быстрее.

«Это, верно, русалка», — решил Эндрю и поспешно отворотился: он любил свою Мораг и ни на кого больше не хотел смотреть.

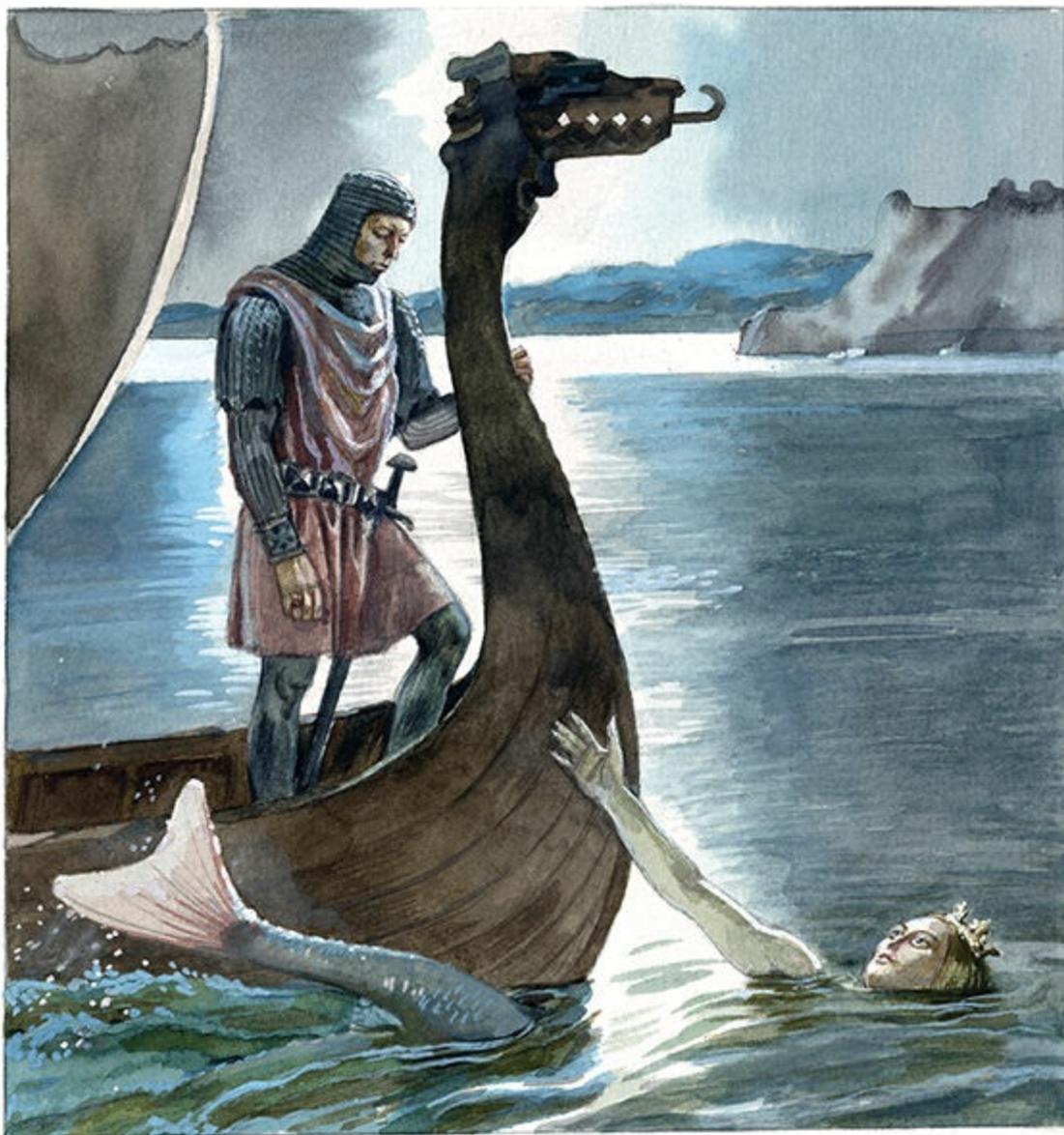
Но вот ладья поравнялась с русалкой, протянула она свою белую

руку, обняла князя и увлекла с собой в морскую пучину.

Всё глубже и глубже опускались они сквозь толщу прозрачной, зеленоватой воды. Вот уже вокруг них глухое безмолвие. Мимо плывут рыбы и всякие чудовища. Дно усеяно обломками кораблей, среди них белеют кости мореходов, нашедших смерть на дне океана.

Наконец приплыли они к дому русалки. Вместо пола — золотой песок, вместо крыши — где-то высоко-высоко — голубой воздух, вместо комнат — сотни пещер с бесчисленными переходами. Золотой песок пестрит кораллами, жемчугом, перламутром.

— Смотри, как у меня красиво! — молвила русалка нежным голосом. — Будешь жить со мной в этих пещерах, и я буду вечно любить тебя.

— Нет! — воскликнул князь. — Отпусти меня на землю к моей невесте. Её одну я люблю во всём свете.

— Ах, останься со мной! — сказала русалка и принесла ему пригоршню разноцветных ракушек.

А потом спела сладкую русалочью песню и обмахнула его длинными шелковистыми волосами. Но Эндрю оттолкнул русалку, устремив взор свой на рубиновый перстень.

— Отпусти меня обратно в надводный мир, — умолял князь. — Я никогда не полюблю тебя.

— Подумай хорошенько, — тихо проговорила русалка. — Не

останешься по доброй воле, запрю тебя в пещеру и будешь моим пленником на веки вечные. Подумай хорошенько и полюби меня.

— Никогда! — вскричал Эндрю. — Лучше умереть, чем нарушить верность любимой.

Только он сказал эти слова, золотой песок, ракушки, самоцветы — всё вдруг исчезло, и очутился князь в огромной чёрной пещере.

Ладя с дружиной тем временем причалила к острову. Никто не видел, как русалка увлекла с собой князя, и все решили, что он упал в море и утонул. Вот с каким печальным известием вернулась дружина на Колонсей. Весь народ оплакивал погибшего князя, одна Мораг не поверила — сердцем чувствовала, что любимый жив, и ждала его возвращения.

Но не выбраться Эндрю из пещеры — у входа её пенятся и бурлят могучие волны. Много дней провёл он в водяном заточении, но горел алым светом рубин у него на пальце, и надежда не гасла в его сердце.

И вот однажды приплыла в пещеру русалка, распустила в воде золотые волосы.

— Зачем ты приплыла? — крикнул Эндрю.

— Не сердись, князь! Я решила отпустить тебя. Только дай мне взамен одну вещь.

— Какую? — спросил князь.

— Твой рубиновый перстень, — чуть заметно улыбнулась русалка.

Она и не думала отпускать князя, хотелось ей выманить у него кольцо. Перестанет князь глядеть на рубин и забудет про свою земную любовь.

— Я охотно подарю тебе перстень, — ответил князь, — и навсегда останусь в подводном царстве. Только и ты выполни мою просьбу. Отнеси меня на поверхность моря, дай последний раз взглянуть на родной остров.

Подхватила его русалка и понесла вверх сквозь толщу зеленоватой воды; видит Эндрю, совсем близко что-то чернеет — да ведь это скалы, сбегаящие с острова в море.

— Дай мне отсюда взглянуть на землю, — попросил Эндрю.

Всплыла русалка наверх, и увидел Эндрю опять звёздное небо.

— А теперь подари мне свой перстень, — протянула руку русалка.

Глаза её впились в горящий кровью рубин, и не заметила она, что земля совсем рядом.

В мгновение ока выскользнул Эндрю из объятий русалки, ухватился за выступ скалы, подтянулся что было силы и выскочил из воды на землю. Рванулась за ним русалка, да уж поздно, не достать ей князя. Крикнула она что-то гневное и упала обратно в пенистые волны.

Долго следила русалка, как бежал князь по скалистой косе, а потом свернул к дому невесты.

Обезумела от ярости и уплыла к себе на дно.

На острове Колонсее до сих пор верят, что возле того места, где нырнула русалка, можно и сейчас слышать её дикую, печальную песню. Она поёт из глубины моря для князя, которого любила и потеряла, и будет петь так до скончания века.

Юный Поллард и окландский вепрь

Давно это было, на севере Англии тянулись тогда дремучие леса, бродили в них дикие звери — медведи, барсуки, кабаны, — и встреча с таким зверем не сулила путнику ничего доброго. И вот одной осенью завёлся в окрестностях Окландского замка, что в графстве Дарем, свирепый кабан, который навёл страх на всю округу.

Был этот вепрь огромен и страшен, на морде у него топорщилась чёрная щетина, из пасти торчали изогнутые клыки, маленькие глазки злобно рыскали из стороны в сторону, а бегал он так быстро — на коне не угонишься.

Питался вепрь травой, корешками и тем, что растили крестьяне на полях, да не столько съедал, сколько вытапывал. Он ненавидел всех других тварей, но больше всего ненавидел людей; по вечерам хоронился в кустах, поджидая крестьянина, устало бредущего с поля. Живым от него никто не уходил.

Земля в округе принадлежала богатому и могущественному даремскому епископу, хозяину Окландского замка. Вепрь так застращал окрестных крестьян, что не выдержали они и написали письмо епископу, слёзно умоляя помочь им в беде: даже днём нет спасенья от лютого зверя, а как солнце сядет — и за калитку носа не высунешь.

Согласился епископ, что дело плохо, и обещал по-королевски наградить храбреца, который убьёт вепря.

Молодые люди, однако, качали головами. Сколько смелых рыцарей приезжало из южных графств сразиться с вепрем, немало убитых драконов и других чудовищ было на их счету. И что же? Ни один не вернулся из леса Этерли-дин, в котором было логово вепря. Какой толк в награде, рассуждали местные храбрецы, если некому её получить?

Нашёлся всё-таки юноша, которого прельстила обещанная награда. Это был младший сын старинного рода по имени Поллард; ему не маячили ни деньги, ни родовой замок, оставалось надеяться на самого себя.

«Недурно придумано — наградить смельчака по-королевски, — сказал он себе. — Но мёртвым награда не нужна. Вепрь убивает не только крестьян — сколько вооружённых рыцарей погибло, сражаясь с

ним. Видно, вепрь не только силён, но и хитёр. Значит, надо разведать его повадки. И сначала потягаться с ним хитростью. А не выйдет — померяться силой».

Оставил дома юный Поллард меч, коня, доспехи, сунул в карман ломоть хлеба и кусок сыра и пошагал в лес Этерли-дин, где хоронился вепрь. Идёт, вслушивается в каждый шорох, вглядывается в звериные тропы. Наконец напал на след вепря и много дней крался по его пятам. Ночью зверь петлял по лесам и полям, днём отсыпался в своем логове и ни разу не почувал близости человека.

Прошёл месяц, юный Поллард всё разузнал о вепре — зверь огромен и свиреп, силён и проворен. К тому же на редкость прожорлив. Ест всё подряд, но больше всего любит буковые орешки — они толстым слоем устилали землю в буковых лесах. Вызнал Поллард, где вепрь отсыпается днём — в самой глубине леса, в гуще могучих буков. Нашатавшись вдоволь по окрестностям, вепрь под утро возвращался в свою чащобу, лакомился буковыми орешками и валился спать.

Теперь юный Поллард знал, что ему делать. Взял кривой, как серп, меч, оседлал свою лошадь и поскакал вечером к одинокой ферме, стоявшей у самого леса Этерлидин; оставил лошадь на соседней ферме и пошёл в лес. Он знал, что до рассвета вепрь не вернётся, будет рыскать по округе и только под утро явится в Этерли-дин, набьёт брюхо буковыми орешками и заснёт у себя в логове. Нашел Поллард высокий развесистый бук, что рос в двух шагах от логова вепря, — он ещё раньше его заметил. Залез на него, натряс целую гору орешков, чтобы вепрь налопался до отвала и поскорее заснул.

Чуть только забрезжило на востоке, слышалось приближение

вепря: сопит, хрюкает, роет носом опавшие листья. Вдруг стало тихо-тихо: зверь учуял приготовленное Поллардом угощение. И сейчас же раздалось торопливое чавканье, как будто вепрь куда-то очень спешил. Поллард думал, что натряс орешков на целое стадо кабанов, но, видно, у этого вепря брюхо было бездонное — он всё ел, ел и никак не мог насытиться. У Полларда затекли ноги, онемела рука, сжимавшая меч, но он не смел шелохнуться: у вепря такое чутье, что малейший шорох мог испортить всё дело.

Наконец съеден последний орешек. Зверь хрюкнул от удовольствия и тяжело двинулся к логову, с шумным вздохом улёгся на землю, повернулся на бок и зажмурил глаза, разомлев от такой сытной еды.

Дождавшись, когда вепрь как следует разоспится, Поллард осторожно спустился с дерева и не дыша пополз к логову — надо убить вепря, пока он спит. Но не тут-то было, зверь и спящий учуял опасность: с ужасающим рыком поднялся он на ноги и ринулся на юношу — тот едва успел отскочить в сторону. Хоть вепря и разморило от еды, всё равно это был хитрый и опасный соперник.

Весь день сражались в Этерли-дине Поллард и вепрь, и ни тот, ни

другой не могли одержать верх. Вот уже и солнце село, на небе зажглись одна за одной звёзды, и юный Поллард стал уставать — вепрь теснил его всё дальше и дальше в дебри дремучего леса. Часы на Окландском соборе пробили полночь. Поднапрягся Поллард, собрал все силы и вот уже стал одолевать зверя. Всю ночь при свете звёзд длилось единоборство. Только когда первый луч солнца позолотил верхушки деревьев, размахнулся Поллард мечом во всю ширь плеча и убил вепря.

В полном изнеможении, с кровотокающими ранами, нагнулся он над мёртвым зверем и ещё раз подивился его громадности: да, такое чудище могло причинить ещё много бед. Теперь скорее на ферму, вскочить в седло и скакать с хорошей вестью к епископу. Но юный Поллард не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Тяжело вздохнув, он раскрыл зверю пасть, отсёк язык и спрятал его в карман; затем доковылял до зарослей папоротника, зарылся в пожухлую зелень, свернулся калачиком и тотчас уснул.

Спал он весь день. Сон его был так крепок, что не пробудило его ни пение птиц в кронах над головой, ни кролики, шуршащие совсем рядом, ни лисица, кравшаяся мимо на своих бархатных подушечках.

Не слышал он всадника, который скакал после полудня как раз вдоль этой опушки. Увидев огромного кабана, лежащего неподвижно, он подъехал ближе и спешился.

«Эге, да никак тот самый вепрь, за которого епископ обещал по-королевски наградить», — подумал он. Оглянулся кругом — никого:

видно, вепрь погиб, сражаясь с каким-то другим зверем.

— А почему бы мне не получить награды? Кто узнает, что не я его убил? — сказал он себе.

Отрубил зверю голову, привязал к седлу и, радуясь такой удаче, поскакал в Окландский замок.

Тут вскоре проснулся юный Поллард, потянулся, вскочил на ноги — пора и за наградой ехать. Вот только умыться бы в соседнем ручье. Сделал два шага, вдруг видит — о ужас! — вепрь-то без головы. Поллард чуть сам замятво не упал.

— Надо было мне тут же ехать к епископу, — сокрушался он. — Но ведь я на ногах не держался, шутка ли — весь день и всю ночь биться с диким вепрем. Кто угодно заснул бы. И вот все мои старания, смертельная схватка — всё, всё зря. Награду вместо меня получит ловкий обманщик. Но может, ещё не поздно? Может, я ещё успею попасть к епископу и докажу, что я победитель вепря?

И Поллард со всех ног бросился на ферму, где оставил лошадь. Вскочил в седло и стрелой понёсся в Окландский замок.

— Мне нужно видеть епископа! — крикнул он страже, преградившей ему путь. — Меня зовут Поллард. Я убил вепря и прискакал за обещанной наградой.

— Может, ты и убил, — отвечает стража, — но только что в замок прискакал незнакомец, и у него к седлу приторочена голова вепря. Так, наверное, всё-таки он победитель.

Юный Поллард поднял в ответ такой шум, что стража, спокойствия ради, пропустила его в замок, а мажордом провёл в зал церемоний, где епископ во всём своём облачении принимал посетителей. Как раз в этот миг перед ним предстал незнакомец, держащий голову вепря, а приближённые и слуги собрались вокруг и, охая, разглядывали страшные клыки, восхищаясь победителем и завидуя его счастью.

Только что юный Поллард вступил в зал, епископ мановением руки воцарил тишину и, благосклонно глядя на незнакомца, промолвил:

— Храбрый незнакомец, ты освободил наш край от ужасного бедствия и за свою отвагу будешь награждён по-королевски.

— Стойте, ваше преосвященство! — воскликнул Поллард, раскидывая слуг, которые пытались задержать его. — Вепря убил я, а не этот чужеземец.

И Поллард рассказал, как бился с чудовищем весь день и всю ночь,

как упал на землю в полном изнеможении и проспал до вечера.

— Возможно, возможно, — с насмешкой проговорил незнакомец. — Тем не менее вепря убил я. И у меня есть доказательство. — Он поднял высоко голову вепря и бросил её к ногам епископа.

— Голова доказывает только то, что ты её отрубил, — возразил юный Поллард, сунул руку в карман, достал язык вепря и бросил его на пол рядом с головой. — Вот свидетельство, что я настоящий победитель.

Медленно поглаживая бороду, епископ посмотрел на язык, на голову, потом перевёл взгляд с юного Полларда на заезжего гостя. Он был человек мудрый и сразу понял, кто из двух говорит правду.

— Откройте пасть вепрю и посмотрите, есть ли у него язык, — приказал он.

Слуги поспешили выполнить приказание, и незнакомец, зная, кто прав, круто повернулся и чуть не бегом покинул зал.

Вскочил во дворе на коня и умчался прочь, только его и видели.

И тогда юный Поллард стал рассказывать, как он целый месяц выслеживал вепря, выведал все его повадки, как придумал убить вепря, когда он уснёт, сморённый усталостью и любимой едой.

— Поразительно! — восхищённо воскликнул епископ. — Ты поистине заслужил величайшую награду. Теперь слушай, в чём она состоит. В этот час я всегда ухожу обедать. Возвращайся к концу моей трапезы. Вся земля, что ты объедешь за время, пока я ем, будет твоя.

И епископ подал прислуге знак растворить двери в столовую.

— Сколько времени обедает епископ? — спросил юный Поллард у привратника, выйдя во двор.

— Обычно около часа, — ответил тот, — но я видел восхищение епископа и уверен, что сегодня он продлит трапезу.

— Отлично, — обрадовался юный Поллард, оседлал кобылу и не спеша выехал из ворот замка.

Епископ, как и думал слуга, на сей раз не торопился, и обед растянулся на полтора часа.

— Ну как, юный Поллард уже вернулся? — спросил епископ.

— Вернулся? Мой господин, он ожидает в зале добрых три четверти часа, если не больше.

— В самом деле? — Лицо епископа расплылось в довольной улыбке. — Он, очевидно, столь же скромн, сколько храбр. Я сразу подумал это, только увидел его. Да и то сказать, я ведь знаток человеческого сердца.

Величавой походкой прошествовал епископ обратно в зал церемоний. При виде его юноша упал на одно колено, епископ улыбнулся, милостиво протянул руку, и Поллард поцеловал

бриллиантовый перстень, играющий всеми цветами радуги.

— Мне сказали, что ты уже давно ждёшь меня. А ведь ты мог бы объехать в два раза больше земли за то время, что я подарил тебе, — любезно проговорил он.

— Знаю, мой господин, — ответил Поллард с тонкой улыбкой.

— Какой необыкновенно скромный юноша, — удивился епископ. — И сколько же земли ты объехал?

— Вокруг вашего замка, ваше преосвященство, — сказал юный Поллард.

Улыбка исчезла с лица епископа.

— Вокруг моего замка? — повторил он.

— Да, ваше преосвященство.

— Вокруг моего замка... — опять повторил епископ.

Не отводя глаз от юного Полларда, он медленно опустился в кресло и, откинув назад голову, вдруг безудержно захохотал. Все придворные и слуги поглядели друг на друга и тоже давай смеяться, покачают головой и опять закатятся.

— Но ведь я должен был сообразить, — сказал наконец епископ, переводя дыхание и вытирая бегущие по щекам слёзы, — что человек, сумевший перехитрить вепря, окажется слишком твёрдым орешком для такого простака, как епископ. — Вздохнув, он устремил взгляд на юного Полларда, стараясь прочесть его мысли. — Так ты, значит, претендуешь на мой замок? — проговорил он задумчиво.

— Его преосвященство дал обещание, — напомнил ему юный Поллард.

— Верно, верно. Но мне кажется, ты не совсем ясно представляешь, что значит владеть замком. Прежде всего в нем круглый год сыро и холодно. Сейчас у тебя нет ревматизма, а поживёшь в замке годок-другой, и кости зануют, как у старика. А сколько надо запастись дров, сколько я плачу слугам... — Епископ тяжело вздохнул. — Нет! Младшему отпрыску благородного рода лучше всего иметь собственную землю.

И епископ приказал слуге подать ему карту. Развернув пергамент, он оглядел свои владения.

— Вот, — сказал он, ткнув в карту пальцем, — видишь, отличная земля. Тут и охотничьи угодья, и поля. А на этом бугре можно построить небольшой замок, удобный и тёплый, на нынешний манер.

Посмотрел епископ на юного Полларда и опять рассмеялся. И все тоже засмеялись, некоторых даже слеза прошибла. Вот так и выкупил епископ свой замок у юного Полларда. А на фамильном гербе Полларда появилась с тех пор рука, сжимающая кривой, как серп, меч.

Моховушка

Жила в маленькой хижине бедная вдова. И была у неё дочь красоты неописанной. С утра до вечера вязала матушка для неё волшебную рубашку.

Влюбился в девушку коробейник. Чуть не каждый день повадился ходить. Просит её выйти за него замуж.

А она, так уж вышло, не полюбила его. Думала, думала, что делать, и спрашивает совета у матушки.

— Скажи ему, — говорит матушка, — пусть подарит тебе белое атласное платье, золотыми листьями расшитое, да чтобы сидело как влитое. Тогда и пойдёшь за него замуж. А там, глядишь, и волшебная рубашка будет готова.

Пришёл коробейник, зовёт девушку замуж. Ответила ему девушка, как мать посоветовала. А коробейник тот был злой волшебник. Приносит он через неделю платье, точь-в-точь как девушка описала — атласное, золотыми листьями расшитое. Побежала она наверх к матери, надела платье, а оно сидит как влитое.

— Что же мне теперь делать? — спрашивает дочь у матери.

— Скажи ему, — отвечает мать, — пусть подарит тебе платье цвета небесной лазури, и чтобы сидело гладко, нигде ни морщинки. Тогда и пойдёшь за него замуж. А там, глядишь, и волшебная рубашка будет готова.

Сказала девушка коробейнику, что мать посоветовала. Вернулся он через три дня и принёс платье цвета небесной лазури, как по ней сшито. Опять спрашивает дочь у матери, что ей делать.

— Скажи ему, — отвечает мать, — пусть принесёт тебе серебряные башмачки, да чтобы ни малы были, ни велики, а в самую пору, тогда и пойдёшь за него замуж.

Сказала ему девушка, что мать велела; через день-другой приносит он серебряные башмачки, а ножка у девушки крохотная, три дюйма, — всё равно они ей как раз впору пришились: не тесны и с ноги не падают. Опять девушка у матери спрашивает, что ей теперь-то делать.

— Сегодня вечером кончу вязать волшебную рубашку, совсем немного осталось. Скажи коробейнику, что выйдешь за него замуж. Пусть завтра утром приходит в десять часов.

— Приду, непременно приду, — ответил коробейник и зло так на неё поглядывает.

Вечером матушка допоздна сидела, связала-таки волшебную рубашку. А вязала она изо мха с золотой ниткой, и кто эту рубашку наденет, может в один миг хоть на краю света очутиться, стоит только пожелать.

Наутро встала матушка чуть свет. Позвала дочку и велела ей в путь-дорогу собираться, искать счастье на чужой стороне. А счастье это, говорит, будет самое что ни на есть распрекрасное. Мать-то была ведунья, знала, что завтрашний день сулит. Надела дочка на себя рубашку-моховушку, а поверх неё платье, в котором дома хозяйничала. Дала ей мать с собой золотую корону да подаренные коробейником платья с серебряными башмачками. Совсем собралась Моховушка, мать

её в дорогу напутствует:

— Пожелай очутиться за сто миль отсюда. Там увидишь большой господский дом. Постучись и попроси у хозяев работу. Для тебя у них работа найдётся.

Сделала Моховушка, как мать велела, и скоро очутилась перед большим господским домом. Постучала в парадные двери и сказала, что ходит по миру, ищет работу. Позвали хозяйку, понравилась ей девушка.

— Какую можешь работу делать? — спрашивает.

— Стряпать могу, добрая госпожа, — отвечает Моховушка. — Люди говорят, я хорошо стряпаю.

— Кухарка у нас есть, — отвечает хозяйка. — Но если хочешь, возьму тебя младшей кухаркой.

— Спасибо, добрая госпожа. Очень хочу.

На том и порешили. Показала хозяйка Моховушке, где она будет спать, и повела на кухню знакомиться с другими служанками.

— Это Моховушка, — сказала слугам хозяйка. — Она будет у нас младшей кухаркой. — И ушла.

А Моховушка поднялась к себе в комнату, спрятала подальше золотую корону, серебряные башмачки и оба платья — белое и цвета небесной лазури.

Другие служанки тем временем чуть не лопнули от зависти.

— Только подумать, — кудахчут, — эта бродяжка в лохмотьях будет младшей кухаркой! Посуду мыть — вот её дело! Уж если и быть кому младшей кухаркой, так одной из нас. Мы всякие кушанья знаем, не то что эта оборванка! Вот уж собьём с неё спесь!

Сошла Моховушка вниз, хочет за работу приняться, а служанки все разом на неё и набросились:

— Что ты такое о себе возомнила! Ишь, захотела стать младшей кухаркой! Ничего у тебя не выйдет, не на таких напала! Будешь скрести чугуны и сковородки, чистить вертела и ножи. Ни на что другое и не надейся!

Взяла одна девка поварёшку и стукнула — тук-тук-тук — Моховушку по голове:

— Вот чего такие, как ты, заслуживают!

Да, неладно обернулось дело для Моховушки. Топит она печи, скребёт сковородки, лицо точно сажеей вымазано. А кухонные девки — то одна, то другая — схватят поварёшку и стукнут её — тук-тук-тук —

по голове. У бедняжки голова всё время болит, не проходит.

Однажды устроили соседи большой праздник: днём — охота и другие забавы, а вечером — бал. И так три дня подряд. Съехались гости со всей округи, хозяин, хозяйка и хозяйский сын тоже собрались на праздник. На кухне только и разговоров, что о предстоящем бале. Кто мечтает хоть одним глазком на веселье взглянуть, кто потанцевать с молодым джентльменом, кто поглядеть, как благородные барышни одеваются. Будь у них бальные платья, говорят, и они бы в грязь лицом не ударили.

Чем они хуже всяких баронесс и графинь?! Только одна Моховушка молчит.

— А ты, Моховушка, — спрашивают её злые служанки, — небось тоже хочешь поехать на бал? Только тебя там и не хватало, такой замарашки.

И давай колотить её — тук-тук-тук — поварёшкой по голове. Дразнят, смеются — такое подлое племя.

А Моховушка, как уже сказано, была писаная красавица, и ни сажа, ни лохмотья не могли это скрыть. Хозяйский сын сразу её заметил, да и хозяин с хозяйкой выделяли изо всей челяди. Стали они собираться на бал и послали за Моховушкой, зовут её с собой ехать.

— Нет, благодарствуйте, — отвечает Моховушка. — Я и думать об этом не смею. Моё место на кухне. И карету жалко, и ваши наряды, сяду — всех перепачкаю.

Засмеялись хозяева, зовут — поедем. А Моховушка знай своё:

благодарит за доброту и отказывается. Так и настояла на своём. Вернулась Моховушка на кухню, а служанки, конечно, спрашивают, зачем хозяйева её звали. Уж не уволить ли надумали или ещё что? Говорит Моховушка, что хозяйева её на бал звали.

— Тебя? На бал? — закричали служанки. — Неслыханно! Если бы нас кого позвали — другое дело. Но тебя! Да разве такую, как ты, на бал пустят! Станут молодые джентльмены танцевать с судомойкой, как же! Побоятся платье испачкать! А дух-то от тебя какой идёт — дамы будут нос зажимать.

Нет, заявили, никогда они не поверят, чтобы хозяин с хозяйкой звали её на бал. Это она всё лжёт! И давай её колотить — тук-тук-тук — поварёшкой по голове.

На другой день уж и хозяйский сын зовёт Моховушку на бал. Бал, говорит, был чудесный, напрасно она не поехала. А сегодня будет ещё лучше.

— Нет, — отвечает Моховушка. — Не поеду. Куда мне такой замарашке и оборванке?

Сколько ни просил хозяйский сын, ни уговаривал, наотрез Моховушка отказалась. А слуги опять не поверили, что её хозяйева на бал звали, да ещё хозяйский сын уговаривал.

— Нет, вы только послушайте, что ещё эта лгунья выдумала!

А Моховушка взяла и собралась на бал, одна, чтобы не знал никто. Первым делом заколдовала служанок, навела на них сон. Потом вымылась хорошенько. Поднялась к себе наверх, сбросила рваную одежду и старые башмаки, надела белое атласное платье, золотыми листьями расшитое, серебряные башмачки и золотую корону на голову. Оглядела всю себя и пожелала очутиться на балу. На миг только почувствовала, будто летит по воздуху, не успела последнее слово промолвить — и вот уже, пожалуйста, очутилась на балу. Увидел её хозяйский сын и глаз оторвать не может: отродясь такой красавицы, статной и нарядной, не видывал.

— Кто это? — спрашивает у матери.

Мать тоже не знает.

— Узнай, матушка, — просит сын. — Пойди поговори с ней.

Поняла мать, не успокоится сын, пока не поговорит она с незнакомой гостьей. Подошла к Моховушке, назвалась и спрашивает, кто она, откуда. Ничего не ответила Моховушка, сказала только, что

там, где живёт, её то и дело поварёшкой по голове бьют. Тогда хозяйский сын сам подошёл к Моховушке, стал расспрашивать, а Моховушка даже имени своего не назвала; пригласил танцевать — не хочет. Не отходит от неё хозяйский сын, наконец стали они танцевать. Прошлись туда и обратно.

— Домой пора, — говорит Моховушка.

Просит её хозяйский сын остаться, а Моховушка стоит на своём, и всё тут.

— Ладно, — говорит он, — пойду тебя провожу.

А Моховушка пожелала в этот миг вернуться домой, только он её и видел. Стояла рядом и в мгновение ока исчезла, он даже оторопел. Туда-сюда — нет Моховушки, и никто не видел, куда она делась.

Очутилась Моховушка дома, смотрит, служанки ещё спят. Переоделась в старое платье и разбудила служанок. Протирают они глаза, удивляются, что это — ночь или утро. А Моховушка говорит: будет им на орехи, ведь они весь вечер проспали. Умоляют её служанки не выдавать их; одна ей юбку подарила, другая — чулки, третья — башмаки, хоть и старые, но надеть ещё можно. Моховушка обещала ничего не говорить хозяйке. Обрадовались служанки, и колотушек в тот вечер не было.

На третий день хозяйский сын места себе не находит. Ни о чём думать не может, кроме неизвестной красавицы, которую полюбил с первого взгляда. Придёт ли она сегодня на бал? А вдруг опять исчезнет? Нет уж, сегодня он её ни за что не отпустит. Бал-то последний, как бы совсем её не потерять.

— Полюбил я её на всю жизнь, — сказал он матушке. — Если не женюсь на ней — умру.

— Девушка она хорошая, скромная, — отвечает ему мать. — Только вот имени своего не говорит.

— А мне всё равно, чья она, откуда. Люблю я её, и всё тут. Не жить

мне без неё, истинно говорю, не жить.

У служанок, дело известное, уши длинные, а язык и того длиннее. Скоро на кухне только и разговору, что про неизвестную красавицу, в которую влюбился на балу хозяйский сын.

— Ну что, Моховушка, — дразнят бедняжку злые служанки, — как поживает молодой хозяин? Он ведь, кажется, тебя на бал приглашал?

Дразнят, насмеваются, схватила одна поварёшку и давай её бить — тук-тук-тук — по голове: в другой раз неповадно будет добрых людей морочить. Ближе к вечеру послали за ней хозяин с хозяйкой, опять зовут на бал. Моховушка опять отказалась. А сама навела сон на гадких служанок и отправилась, как в прошлый раз, на бал. Только теперь была в платье цвета небесной лазури.

Вошла Моховушка в залу, а молодой хозяин уж заждался её. Как увидел, просит отца послать домой за самым быстрым конём, пусть стоит осёдланный у крыльца. А матушку просит поговорить с Моховушкой. Подошла мать к девушке и опять вернулась ни с чем. Тут слуга доложил, что осёдланный конь уже стоит у крыльца. Пригласил хозяйский сын Моховушку танцевать. Прошлись они туда и обратно. Пора домой, говорит Моховушка. А хозяйский сын взял её за руку и вышел с ней на крыльцо.

Пожелала Моховушка вернуться домой и очутилась в тот же миг у себя на кухне. Сдуло её как ветром, хозяйский сын только руками всплеснул. Да, видно, задел один башмачок, он и упал прямо к его ногам. А может, и не задел, но, скорее всего, именно так и было.

Поднял он серебряный башмачок, держит в руке, а вот девушку-то не удержал. Куда там! Легче удержать порыв ветра в бурную ночь.

Вернулась Моховушка домой, переделась в лохмотья и разбудила служанок. Те протирают глаза, дивятся, чего это они так разоспались. Обещают Моховушке: одна — шиллинг, другая — полкроны, а третья — недельное жалованье, только бы Моховушка хозяйке не пожаловалась.

А хозяйский сын слёг на другой день — занемог смертельно от любви к красавице, потерявшей на балу башмачок. Каких только докторов ни звали, а ему всё хуже и хуже. Объявили по всему королевству, что спасти его может девушка, которой придётся по ноге серебряный башмачок. Женится на ней молодой хозяин и выздоровеет.

Понаехало к ним девушек видимо-невидимо из близка и далёка. У кого маленькая ножка, у кого лапища — все спешат башмачок примерить. И так и эдак пытаются ногу втиснуть — никому башмачок не лезет. Даже самых бедных девушек пригласили, даже служанок — всё без толку. А молодой хозяин уж едва дышит.

— Неужели все девушки в королевстве башмачок примерили? — говорит в отчаянии мать. — Неужели ни одной не осталось, хоть богатой, хоть бедной?

— Ни одной, — отвечают служанки. — Кроме грязнушки Моховушки.

— Зовите её скорее, — велит хозяйка.

Взяла Моховушка серебряный башмачок, сунула в него ногу, а он ей в самую пору!

Вскочил с постели хозяйский сын, хочет обнять Моховушку.

— Подожди, — говорит девушка.

Убежала наверх, возвращается — на ней золотая корона, серебряные башмачки и белое атласное платье, золотыми листьями расшитое.

Хочет хозяйский сын обнять Моховушку, а она ему опять говорит:

— Подожди!

Убежала наверх, прибегает — на ней платье цвета небесной лазури.

Обнял Моховушку хозяйский сын, на этот раз она ему ничего не сказала. Соскочил он с постели — жив-здоров, щёки румяные, как и не болел.

Спрашивает хозяйка, отчего Моховушка сказала на балу, что дома её поварёшкой по голове бьют.

— Правда бьют, — отвечает Моховушка, — злые служанки.

Рассердились хозяин с хозяйкой и выгнали служанок из дома, да ещё и собак спустили, чтобы и духу их не было.

Поженились молодой хозяин и Моховушка. Зажили дружно и счастливо. Много детей народили. Может, ещё и сейчас живут.

Джонс и Боггарт из Бриксуорта

Давным-давно в Нортгемптоншире, неподалёку от Бриксуорта, жил молодой парень по имени Джонс; он был беден, но честен и трудолюбив. Только умом не отличался, даже матушка с этим была согласна.

— Но ты не огорчайся, Джонс, — сказала она ему. — Раз ты честен, добр и трудолюбив, всё будет хорошо. Надо только жену найти умную. Ты как, сам будешь искать или мне попытаться?

Джонс решил, что, пожалуй, сам поищет. В ближайшую субботу пошёл он в Бриксуорт и стал присматриваться к местным девушкам. Одни — собой пригожие, но с ленцой, им только наряды подавай да танцы каждый день на зелёных лужайках; другие — скромные и работающие, а двух слов связать не могут. Но вот Мейзи, доярка из Чэрч-фарм, и красавица, и работница, и к тому же умна — семь пядей во лбу. Спросил её Джонс, не пойдёт ли она за него замуж.

— Пойду, — улыбнулась Мейзи. — Хоть ты и беден, зато честен, добр и трудолюбив.

Поженились они. Мейзи и по дому всё делает, и коров доит, и в огороде мужу помогает. Заработает Джонс немного денег, отдаст Мейзи, а она опустит их в чулок и спрячет под перину.

Через год родился у них первенец; достала Мейзи из-под перины чулок, вынула деньги — даёт Джонсу.

— Теперь у тебя есть сын, — сказала она. — Пора заводить большую ферму, чтобы жить в достатке, не зная нужды. Для начала нужно купить ещё одно поле. Вчера слышу, вдова Пикок говорит, многовато у её племянника земли, куда ему столько. Хочет он одно поле продать. Знаешь какое? Гусиный луг, что через ручей от его усадьбы. Иди к нему прямо сейчас и скажи: «Ты продаёшь — я покупаю». Если, конечно, цена подходящая.

Взял Джонс деньги и пошёл к племяннику вдовы Пикок. Договорились они о цене, и к вечеру Джонс был уже владельцем Гусиного луга.

— Молодец! — похвалила Мейзи, когда он вернулся вечером домой и рассказал о покупке. — Вспашешь теперь Гусиный луг, засеешь, и будем ждать урожая. Три года пройдёт, накопим денег и ещё поле купим.

Наутро пошёл Джонс пахать Гусиный луг, очень довольный собой и своей умной женой Мейзи. Всю неделю трудился не жалея сил, а когда начал последнюю борозду, увидел огромного великана, обросшего дикой всклокоченной шерстью. Он подходил, переваливаясь и спотыкаясь, и смотрел на Джонса маленькими жестокими глазками.

Джонс сразу узнал его. Это был боггарт — наполовину человек, наполовину зверь. Мать в детстве рассказывала ему про таких чудовищ. Боггарты, как известно, очень сильные, хитрые и злые великаны.

— Добрый день, боггарт, — вежливо сказал Джонс.

Матушка всегда говорила ему: вежливость украшает человека.

Боггарт нахмурился.

— Это моё поле! — прохрипел он. — Кончишь пахать — и

убирайся отсюда! Я здесь хозяин.

Рыкнул свирепо на Джонса и исчез.

— Вот так история, — покачал головой Джонс.

Кончил пахать и пошёл скорее домой рассказать жене, что случилось.

Мейзи качала люльку и, услышав про боггарта, задумалась.

— Возвращайся завтра на поле, — сказала она наконец, — явится боггарт, скажи ему, что ты купил Гусиный луг у племянника вдовы Пикок и что завтра пойдёшь в суд, начнёшь с ним тяжбу.

Наутро ждёт боггарт Джонса на Гусином лугу, смотрит на тучный, только что вспаханный чернозём и ухмыляется. Наверняка Джонс с перепугу и думать об этой земле забыл. А Джонс увидел боггарта и степенно ему говорит:

— Гусиный луг — мой. Я купил его у племянника вдовы Пикок на свои деньги и завтра пойду в суд, начну с тобой тяжбу.

Поскрёб боггарт в затылке — куда ухмылка делась — и стал Джонса уговаривать:

— Ненавижу судейских крючков. Чем дело ни кончится, плакали наши денежки, все к ним в карман уплывут. В суд только простаки ходят. Знаешь, как мы поладим? Давай вместе полем владеть. Недурная мысль, а? Урожай, само собой, пополам.

— Это надо хорошенько обмозговать, — сказал Джонс. — Приходи завтра утром, будет тебе ответ.

Рассказал вечером Мейзи о том, что боггарт придумал. Качает Мейзи люльку, а сама прикидывает, как бы боггарта перехитрить.

— Скажи ему, что согласен, — наконец решила она. — А потом спроси, что он желает по осени получить — вершки или корешки. Да прибавь — пусть слово своё держит крепко. Уговор дороже денег.

Наутро ждёт боггарт Джонса, смотрит на тучный, только что вспаханный чернозём и ухмыляется злобно — всё равно весь урожай его будет, уж он-то сумеет обвести Джонса вокруг пальца.

— Я принимаю твоё предложение, — говорит ему Джонс. — Только, чур, слово своё крепко держать. Ты что по осени хочешь взять — вершки или корешки?

Поскрёб боггарт в затылке, прищурился, вперил маленькие чёрные глазки в распаханное поле.

— Я, пожалуй, возьму вершки, — решил он. — Уберёшь ты осенью урожай — приду и возьму свою долю.

— Пусть берёт вершки, — кивнула Мейзи, услышав от Джонса, что выбрал боггарт. — В этом году посадишь на Гусином лугу картошку.

Джонс так и сделал: посадил, окучил, рыхлил между рядами, и уродилась картошка, какой не бывало. Копают он последний куст, видит,

приближается боггарт — ещё огромное, ещё сильнее, ещё гуще шерстью оброс.

— Я пришёл за моей долей, — сказал он, злобно ухмыляясь.

— Конечно, конечно, — вежливо ответил Джонс; матушка всегда говорила ему: вежливость украшает человека. — Забирай, пожалуйста, свои вершки — вон их сколько: ботва, сорняки. Мне и клубней хватит.

Перестал боггарт ухмыляться, поскрёб в затылке, нахмурился, а картошка такая крупная, чистая, без единой червоточки. Поглядел он на свои вершки, а делать нечего. Уговор дороже денег.

— Ладно, — прорычал он. — На тот год сделаем по-другому. Ты возьмёшь вершки, а я — корешки. Урожай поспеет — я приду и заберу свою долю.

— Вот он и получит корешки, — улыбнулась Мейзи. — На тот год посеешь на Гусином лугу пшеницу.

Джонс так и сделал; вспахал поле, засеял пшеницей, проборонил; осенью собрал урожай, какого не бывало. Жнёт он последнюю полосу, а боггарт тут как тут — ещё огромное, ещё сильнее, ещё гуще шерстью оброс.

— Я пришёл за своей долей, — сказал он, злобно ухмыляясь.

— Конечно, конечно, — вежливо ответил Джонс; матушка всегда говорила ему: вежливость украшает человека. — Забирай, пожалуйста, корешки. Мне и колосьев хватит.

Перестал боггарт ухмыляться, поскрёб в затылке, нахмурился: зерно такое спелое, золотом переливается — и всё Джонс себе заберёт, ему одни никчёмные корешки остались. А ничего не сделаешь. Уговор дороже денег.

— Два раза ты меня обхитрил, — прорычал боггарт. — В третий раз тебе это не удастся. На тот год посеём траву и будем соревноваться — кто сколько скосит, тот столько и возьмёт.

— Два раза мы обхитрили боггарта, — сказал Джонс, вернувшись домой. — Но боюсь, в этом году отнимет он у нас Гусиный луг. Вон он какой — в три раза выше меня, в шесть раз сильнее, — где мне с ним тягаться. Я скошу ярд, а он — милю.

— Никакому боггарту никогда не отнять у нас Гусиный луг, — твёрдо сказала Мейзи. — Буду завтра масло сбивать и придумаю, как от боггарта избавиться.

Наутро сняла Мейзи с молока сливки, вылила их в маслобойку;

крутит ручку, сливки сбиваются потихоньку в жёлтые комки, а Мейзи свою думу думает. Сбила масло, промыла, нарезала деревянной лопаткой ровные кубики; а когда вечером Джонс вернулся, призналась, что не придумала ещё, как перехитрить ленивого и жадного боггарта.

— Но ты не беспокойся, — уверила она мужа. — Буду завтра варить крыжовенное варенье и что-нибудь придумаю.

Утром собрала в саду ягоды, села на солнышке обрезать хохолки и черешки, детишки рядом играют. Намерила ягод в большой медный таз, насыпала сахару, поставила таз на таганок, развела огонь, помешивает большой ложкой, а сама всё про боггарта и Гусиный луг думает.

Вернулся Джонс домой под вечер, она ему опять призналась, что ничего ещё не придумала.

— Но ты не беспокойся. Вот буду завтра шерсть прядь — детям надо тёплые кофточки связать к зиме — и обязательно что-нибудь придумаю.

Наутро села за прядку, нажимает ногой — вверх-вниз, вверх-вниз; сучится шерсть в крепкую ровную нитку. Вот уже сколько спряла — можно красить, сушить, и вяжи что хочешь. Смотрела, смотрела Мейзи, как колесо вертится, и стало у неё на душе так легко, так покойно. Тут-то и осенило её, додумалась всё-таки, как спасти Гусиный луг от длинной косы и могучих плеч боггарта.

Вернулся муж вечером домой, Мейзи ему и говорит:

— Иди завтра в Бриксуорт к кузнецу, которого зовут Большой Стив. Пусть выкует пятьдесят толстых железных прутьев. А летом, пока трава не выросла, пойдёшь на Гусиный луг и воткнёшь их в траву с той стороны, откуда боггарт будет косить.

Так Джонс и сделал. Пошёл в Бриксуорт, выковал ему Большой Стив пятьдесят железных прутьев; а летом, пока трава не выросла, отправился Джонс на Гусиный луг и воткнул их в траву на ближнем конце поля.

Подросла трава, встал он утром с зарёй, взял косу в амбаре, хорошенько её наточил и отправился на Гусиный луг. Подходит, а боггарт уже ждёт его — ещё огромнее, ещё сильнее, ещё гуще шерстью оброс. Маленькие глазки злобно блестят, кожаным поясом подпоясан, сзади заткнут большой точильный камень, а в руках коса — втрое больше, чем у Джонса.

— Кто первый пришёл, тот с ближнего конца начинает, — говорит боггарт, а сам думает: пойдёт Джонс на дальний конец, уморится, будет еле-еле махать. — Ты готов? — крикнул он, когда Джонс дошагал до своего края.

И, не дожидаясь ответа, развернул плечи и срезал одним махом столько, сколько Джонсу в четверть часа не скосить.

— Ха! Ха! — обрадовался он.

Опять размахнулся, на этот раз срезал столько, что Джонсу и в полчаса не скосить.

— Хо! Хо! — громыхнул он.

Размахнулся ещё раз, и ударила коса по железному пруту, скрытому густой травой.

— Какие, однако, здесь лопухи жесткие! — воскликнул боггарт, вынул из-за пояса точильный камень и стал отбивать косу с большим усердием.

Опять размахнулся и опять хватанул косой по железу. Вынул камень, снова давай точить. Так и пошло. Размахнётся, ударит по пруту — и опять точи косу! Жарко, пот градом льёт, совсем из сил выбился.

Глянул на другой конец поля — и зло взяло: Джонс не спеша, размеренно косит себе и косит, трава налево-направо ровными валками ложится.

— Эй! — крикнул боггарт. — Постой! Никогда я не видел такого поля! Трава как железо. Коса то и дело тупится. Скоро уже и точить будет нечего. Давай отдохнём!

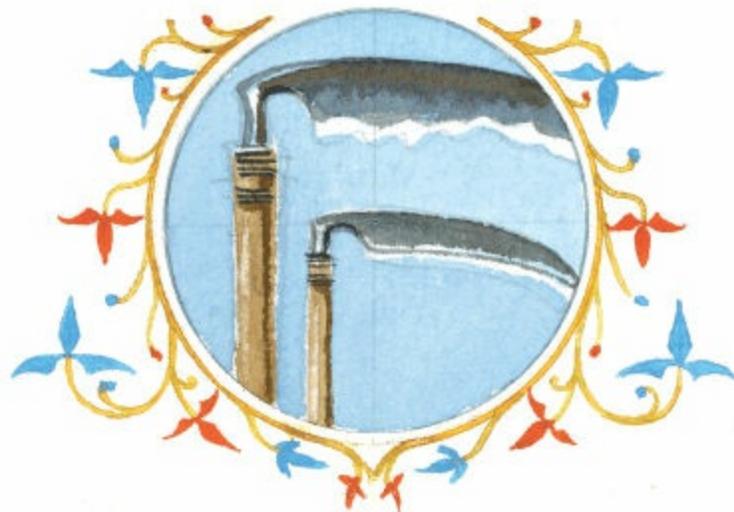
— Отдохнем? — воскликнул удивлённо Джонс. — Да ведь мы только начали. Подожди, пробыёт одиннадцать, тогда и отдохнём. А сейчас ещё и восьми нет. Ну а вообще, как хочешь.

И он опять начал косить, а трава опять повалилась налево-направо ровными валками.

Услышав, что надо косить до одиннадцати, боггарт разозлился не на шутку, швырнул косу подальше в траву да как заорёт:

— Подавись ты своим полем! Ничего путного на нём не родится: сорняки, ботва да лопухи как железо! Ноги моей больше здесь не будет. Осточертело оно мне, да и ты не меньше!

Рыкнул боггарт яростно и исчез, больше никогда не появлялся в Нортгемптоншире. А Джонс улыбнулся и давай косить дальше. Скосил всё поле, подобрал огромную косу боггарта и пошёл домой. Рассказал Мейзи, как славно всё удалось, и повесил косу боггарта в амбаре рядом со своей. Отовсюду приходили люди подивиться на гигантскую косу. Говорят, коса боггарта до сих пор висит в том амбаре.

Джек и золотая табакерка

В доброе старое время, не в моё, не в твоё, да и в неведомо чьё, жили посреди большого леса старик со старухой. Был у них единственный сын, который никогда никого, кроме отца с матерью, не видал, хотя и знал, что другие люди существуют на свете, читал про них в книгах, которых много было в отцовском доме. Вот раз ушёл отец в лес дрова рубить, Джек и говорит матушке, что хочет пойти в чужие края — людей посмотреть, себя показать.

— Что я здесь вижу-то, лес да лес кругом. Так и ума лишиться недолго.

— Ладно, мой бедный сын. Иди, коли хочешь. Так, видно, тебе на роду написано, — молвила матушка. — Но сначала ответь, что выбираешь: маленький пирожок на дорогу с материнским благословением или большой без благословения?

— Вот задала задачу! — удивился Джек. — Испеки мне пирог побольше. Путь не близкий, живот от голода подведёт.

Испекла мать большой пирог, проводила сына. А сама забралась на крышу, смотрит ему вслед, а благословить не может.

Шёл Джек по лесу, шёл и встретил отца.

— Ты куда собрался, мой бедный сын?

Ответил Джек отцу то же, что и матери.

— Ладно, — согласился отец, — что с тобой сделаешь. Хоть и не хочется тебя отпускать, но раз уж ты решил идти — иди. Так, видно, тебе на роду написано.

Пошёл Джек дальше, слышит, отец кличет. Вернулся Джек, отец и говорит:

— Ты, гляжу, выбрал большой пирог. Нелегко тебе будет без материнского благословения. Многие беды ждут тебя впереди. — И с этими словами вынул из кармана золотую табакерку. — Вот возьми мою табакерку, положи в карман и не открывай, пока не будет тебе грозить неминуемая гибель. Табакерка тебе поможет.

Взял Джек табакерку, положил в карман и пошёл дальше. Долго ли, коротко шёл, дело к вечеру, устал, проголодался, от пирога одни крошки остались. Совсем стемнело, и дороги-то под ногами не

разберёшь. Вдруг видит, вдали огонёк светится. Пошёл туда, постучал с заднего крыльца, отворила дверь служанка и спрашивает, что ему надобно. Ночь на дворе, отвечает Джек, не найдётся ли для него местечка переночевать. Пустила его служанка в дом, посадила к очагу, принесла хлеба с мясом и молока. Ест Джек, пьёт, у огонька греется.

Спустилась вниз хозяйская дочь, увидела Джека и полюбила его с первого взгляда. И Джек её полюбил. Побежала девушка к отцу и говорит: сидит у них на кухне прохожий, собой пригожий; тотчас и хозяин к нему вышел, спрашивает, какую работу Джек может делать. А Джек, простая душа, отвечает:

— Какую дадите, ту и сделаю.

Он-то подумал, задаст ему хозяин что-нибудь по дому сделать. А хозяин говорит:

— Ну коли так, вот тебе работа! Завтра утром в восемь часов, ни раньше ни позже, пусть у меня под окнами море плещется, по нему корабли плавают, пусть самый большой из пушек палит в мою честь и пусть от их залпов подломится ножка кровати, в которой спит моя младшая дочь. Не сослужишь эту службу — своей жизнью заплатишься.

— Ладно, — сказал Джек. — Так и быть, сослужу тебе эту службу.

И пошёл спать, почти до восьми часов утра проспал. Проснулся и сразу про золотую табакерку вспомнил, даже испугаться как следует не успел. «А ведь, пожалуй, ближе к смерти и быть не может», — сказал он себе, сунул руку в карман и вынул отцовскую табакерку. Открыл табакерку, и выскочили из неё три рыжих гнома.

— Что тебе сделать, приказывай! — говорят они Джеку.

— Пусть под окнами дома море плещется, по нему корабли плавают, пусть самый большой из пушек палит и пусть от их залпов подломится ножка кровати, в которой спит младшая дочь моего хозяина.

— Будет исполнено, — отвечают рыжие гномы, — можешь дальше спать, ни о чём не думать.

Только пробило восемь утра, как — бах! бах! — палит из пушек самый большой корабль. Вскочил Джек с постели, глянул в окно, да так и ахнул — плещется под окошком море, по нему корабли ходят, а ведь он, кроме леса да отцовского дома, ничего в жизни не видел.

Оделся Джек и спустился вниз. Идёт и смеётся, горд, что так славно работа сделана.

— Что ж, молодой человек, — говорит хозяин. — С этой работой ты справился. Идём, попотчую тебя, а потом задам ещё две работы. Справишься — бери мою младшую дочь в жёны.

Завтракает Джек, любуется хозяйской дочерью, да и она им.

Позавтракали, и задал хозяин Джеку вторую работу: к восьми утра

повалить все деревья вокруг дома на много миль.

Справился Джек и с этой работой. Похвалил его хозяин и задаёт новую задачу:

— А теперь вот что сделай — последняя это работа, больше не будет. Построй мне в одну ночь замок на двенадцати золотых столбах, чтобы перед ним полк солдат маршировал и генерал ими командовал.

— Ладно, сделаю, — согласился Джек.

Утром проснулся хозяин: исполнил Джек и эту работу. Сыграли свадьбу, но, увы, худшее-то впереди было.

Устроил хозяин большую охоту: знать понаехала со всего королевства — зверя пострелять, да вместе с тем и на замок подивиться. Была у Джека теперь красивая лошадь и алый камзол, чтобы скакать на охоте. Утром надел он этот камзол, а табакерку-то забыл переложить. Стал слуга убирать платье Джека, пощупал карманы жилетки, вынул золотую табакерку, открыл — оттуда три рыжих гнома выскочили и говорят: «Что тебе сделать, приказывай!» А слуга был малый не промах:

— Возьмите этот замок и отнесите его далеко-далеко за синее море.

— Будет исполнено, — отвечают три рыжих гнома. — И ты с нами отправишься?

— А то как же!

— Ну так идём, — сказали гномы и унесли замок далеко за синее море.

Вернулась охота домой, глядь, а замка на двенадцати золотых столбах и нет. Очень огорчились гости, особенно те, что не успели замком полюбоваться. Разгневался хозяин и сказал Джеку: не видать ему больше молодой жены, раз такой обман вышел. Джек, конечно, не соглашается. Долго судили да рядили, как с Джеком быть, и порешили дать ему сроку год и один день, чтобы нашёл он замок и вернул на место. Сел Джек на доброго коня, взял с собой денег побольше и поскакал куда глаза глядят.

Едет бедняга Джек по горам, по долам, по равнинам и холмам, по дремучим лесам, по овечьим тропам, ищет пропавший замок. Так далеко заехал, ни в сказке сказать, ни пером описать. И вот приехал он в такое место, где жил Мышиный король. Хотел Джек войти, а у ворот мышата на страже, не пускают.

— Где здесь король живёт? — спрашивает Джек одного мышонка. — У меня к нему дело.

Послал этот мышонок другого проводить чужестранца.

Увидел Мышиный король Джека, пригласил к себе и стал спрашивать, кто таков, куда путь держит. Рассказал ему Джек всю правду: потерял он замок на двенадцати золотых столбах и вот скачет теперь по белу свету, ищет пропажу, а сроку ему дали всего год и один день. Не слыхал ли что король про его замок?

— Нет, — отвечает Мышиный король, — не слыхал. Но ведь я — король всех мышей земли. Созовём завтра моих подданных и спросим, не знают ли они, где твой замок.

Накормили Джека и спать уложили. А утром все вместе отправились в поле. Сбежались туда мыши со всей земли. Спрашивает их король, не знают ли они, где стоит чудесный замок на двенадцати золотых столбах.

— Не знаем, — ответили мыши.

Говорит тогда Мышиный король Джеку:

— Есть у меня два брата. Один — король всех лягушек. Другой — король всех птиц небесных. Поезжай к ним, может, они о твоём замке слыхали. Коня пока оставь у меня, я тебе другого дам. Отвезёшь моему брату, королю всех лягушек, этот сладкий пирог, он и поймёт, кто тебя послал. Да не забудь, скажи, что я здоров и хочу с ним повидаться.

Пожали они друг другу руки, и отправился Джек в страну Лягушачьего короля.

Выезжает из ворот, а мышонок-караульный просит взять его с собой.

— Нет, — отвечает Джек. — Не могу. Рассердится на меня Мышиный король.

— Возьми, тебе лучше будет, — говорит мышонок. — Вот увидишь, я тебе пригожусь.

— Ладно, полезай в карман.

Взбежал мышонok по ноге коня, конь даже не взбрыкнул; взял Джек мышонка, сунул в жилетный карман и пустился в страну Лягушачьего короля.

Долго ли, коротко ли, приехали наконец в Лягушачье королевство. У ворот на страже лягушонok с ружьём через плечо, никого не пускает. Сказал Джек, что едет по делу к королю всех лягушек, открыл страж ворота, и подъехал Джек к королевскому крыльцу. Вышел король и спрашивает, по какому делу Джек в его королевство пожаловал. Рассказал ему Джек всё как есть с самого начала.

— Ладно, — говорит король всех лягушек. — Входи, гостем будешь.

Угостили Джека на славу и спать уложили. Утром кликнул король клич лягушачьим голосом, прискакали лягушки со всех луж, болот и прудов. Спрашивает король, не знают ли они что про чудесный замок на двенадцати золотых столбах.

— Ква-ква-ква, — сказали лягушки, — ничего не знаем про такой замок.

Дал Лягушачий король Джеку другого коня и сладкий пирог для старшего брата, короля всех птиц небесных. И пустился Джек в путь. Выезжает из ворот, а лягушонок-караульный просится с Джеком. Джек сперва помотал головой, а потом взял и сунул лягушонка в карман.

Скачут они, скачут, в три раза дольше пришлось скакать. Наконец подъехали к Птичьему королевству. На воротах стражем сокол стоит; увидел Джека, пропустил и словом не обмолвился. Выслушал Джека Птичий король и говорит:

— Ладно, спросим завтра утром моих птиц, не знают ли они что про твой замок.

Отвёл Джек коня в конюшню, поужинал и лёг спать. Проснулся утром, и пошли они с королем в поле. Кликнул король клич птичьим голосом, слетелись на поле птицы со всего белого света. Спрашивает их Птичий король:

— Не видали где-нибудь замок на двенадцати золотых столбах?

— Не видали, — отвечают птицы.

— А где, — спрашивает король, — орел — могучая птица?

Послали за орлом в поднебесье двух мелких пташек; долго ждали, наконец летит орел — могучая птица, торопится, весь в испарине.

— Не знаешь ли ты, где замок на двенадцати золотых столбах? — спрашивает король.

— Как не знать, сейчас оттуда, — отвечает орел.

— Видишь, какое дело, замок тот потерял наш гость по имени Джек. Возьми его и летите вместе обратно.

Сел Джек на орла, ухватился покрепче за перья, и полетели они далеко-далеко за синее море. Летят, летят, вот уж и замок виден. Стали думать, как золотую табакерку достать.

А мышонок и говорит:

— Спустите меня вниз, я и достану.

Прошмыгнул мышонок в покои замка и унёс табакерку; правда, когда по лестнице бежал, обронил её и чуть было не попался. Выскочил мышонок из замка и давай смеяться от радости.

— Принёс табакерку-то? — спрашивает Джек.

— А как же, — отвечает мышонок. Полетели они обратно. Летят все четверо над синим морем, тут Джек, мышонок и лягушонок давай табакерку вертеть. Вертели, вертели да и уронили в море.

— Не расстраивайтесь, — говорит лягушонок, — этому горю я помогу, опустите меня в воду и подождите.

Опустили его в воду; не было лягушонка три дня и три ночи; вынырнул наконец, голову из воды высунул.

— Достал? — спрашивают все трое.

— Нет ещё, — отвечает лягушонок.

— А зачем вынырнул?

— Воздуха побольше набрать.

И опять нырнул в глубину. Ещё день и ночь не было лягушонка. А наутро вынырнул — в лапках золотая табакерка блестит.

Потеряли на море четыре дня и летят дальше — через синие моря, через высокие горы; прилетают наконец ко дворцу короля всех птиц небесных. Доволен и горд король, что нашли они замок на двенадцати золотых столбах, сердечно встретил гостей. Открыл Джек золотую табакерку и велел трём рыжим гномам возвращаться обратно — принести ему замок на двенадцати золотых столбах.

— И пожалуйста, — добавил Джек, — как можно быстрее.

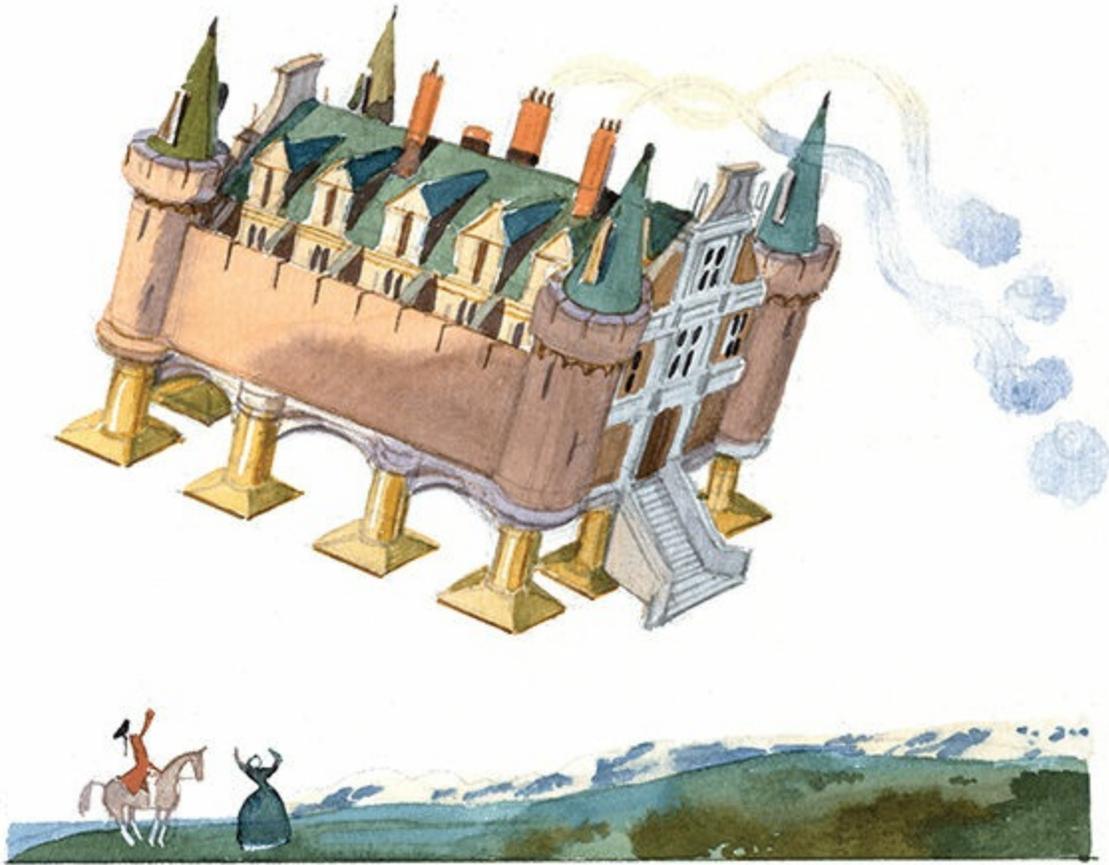
Отправились три рыжих гнома в путь. Вот уж и замок виден. Подождали, пока хозяева уедут на бал со всеми домочадцами, отдохнули немного, назад собираются. А во всём замке только горничная с кухаркой остались. Три рыжих гнома и говорят им:

— Что хотите — с нами лететь или здесь остаться?

— С вами лететь.

— Тогда бегите скорее наверх.

Едва успели добежать до большой гостиной, хозяева возвращаются. Да только уж поздно было. Взлетел замок в небо с быстротой молнии, забежали хозяева, кричат, руками машут, а ничего сделать не могут. Помахали им в ответ кухарка с горничной, и замка как не бывало. Девять дней летел замок обратно. Скучно без дела лететь, да был в замке большой орган. А самый младший гном умел, к счастью, играть на нём. Горничная с кухаркой за певчих сошли. Заиграл орган, запели горничная с кухаркой. И вот какой забавный случай вышел.

Слышат два старших гнома нестройность в пении, полез один вверх по трубе причину поискать. А это, оказывается, горничная с кухаркой не поют, а хохочут — уж больно смешно на рыжего органиста смотреть: растопырил маленькие ручки и ножки, тянется изо всех сил к басам да ещё ночным колпаком помогает — рыжие гномы ведь с колпаками ни днем ни ночью не расстаются. Хохохот кухарка с горничной, заливаются: отродясь ничего смешнее не видели. Оттого и пение нестройное получилось.

И ведь едва не погибли, бедняжки: замок от сотрясения накренился и чуть не упал в море на самой глубине.

И вот наконец после столь приятного путешествия возвратились они ко двору Птичьего короля. Увидел король замок, даже руками всплеснул от восхищения, поднялся внутрь по золотой лестнице, обошёл все покои, глядит не наглядится — век бы из замка не ушел. Но назначенный срок был уже на исходе. Сильно Джек по своей жене соскучился, открыл табакерку и отдал трём рыжим гномам новое повеление: в восемь часов утра переправить его вместе с замком в

страну Лягушачьего короля. Побудут они там и дальше отправятся, в гости к Мышиному королю. А там гномы получают новый приказ.

Попрощался Джек с Птичьим королём, от всей души поблагодарил за гостеприимство и помощь. И пустились они в обратный путь.

Вот уж и двор Мышиного короля. Оставили у него замок. Пересел Джек на своего коня и поскакал домой, поглядеть хочет, ждут ли его дома, вспоминает ли о нём молодая жена.

Скачет он, скачет, и стал его сон одолевать — ещё бы, три дня и три ночи с королями пировал-веселился. Так и сбился бы Джек с пути, да рыжие гномы-то начеку, вот он и доскакал до дому благополучно. Соскочил с коня, еле на ногах держится, а его не принимают, видеть не хотят, раз вернулся без замка. И что хуже всего — не вышла к нему молодая жена, не смеет противиться родительской воле.

— Ладно, — говорит Джек, — посмотрим, что вы завтра скажете.

А назавтра как раз и кончался срок. Открыл Джек золотую табакерку, и перенесли его рыжие гномы обратно в Мышиное царство. Наутро простился он с королём всех мышей, поблагодарил за приют, за ласку и велел гномам тотчас отнести замок домой. Глазом не успел моргнуть — стоит замок на двенадцати золотых столбах, где ему и быть положено.

Вышла молодая жена навстречу, а на руках у неё весёлый толстый младенец — первенец Джека. Обрадовался Джек, устроили тут пир горой, и стали все вместе жить-поживать и добра наживать.

Виттингтон и его кошка

Жил во время оно мальчик по имени Дик Виттингтон; отец с матерью у него умерли, когда он был маленький, и он их совсем не помнил. Зарабатывать на хлеб по младости лет он не мог, и жилось ему очень худо; часто совсем не завтракал, и на обед перепадали какие-нибудь крохи: деревня была бедная, соседи могли дать ему только картофельных очисток и лишь изредка сухую корочку хлеба.

При всем том Дик Виттингтон был живой, смыслённый мальчишка и очень любил слушать, что говорится вокруг. Бывало, встанет под вывеской деревенской харчевни и слушает в открытую дверь рассказни захожих людей; а то подойдёт к цирюльне, приткнётся к косяку отворённой двери и каких только историй не наслушается.

Вот так и узнал Дик много диковинных вещей о великом городе Лондоне — в ту пору деревенские жители верили, что в Лондоне живут только господа и дамы, что день-деньской там пение и музыка и что улицы в этом городе сплошь вымощены золотом.

Стоит однажды Дик под вывеской и видит: едет по улице большой фургон, запряжённый восьмёркой лошадей цугом, и на шее у каждой лошади колокольчик. А ведь этот фургон наверняка едет в чудесный город Лондон, подумал Дик, набрался храбрости и спросил фургонщика, нельзя ли ему пойти рядом с фургоном до города Лондона, если, по счастью, именно туда они путь держат. Узнал фургонщик, что нет у Дика никого в целом свете, рассудил, что хуже чем есть парнишке не будет, и взял его с собой.

Уж не знаю, чем Дик питался в дороге, где ночевал, как мог проделать пешком столь дальний путь. Свет не без добрых людей, кто покормит сироту, кто даст кусок хлеба, а спал он, скорее всего, в фургоне на тюках и ящиках.

Так или иначе, добрался Дик до Лондона и тотчас побежал искать мощённые золотом улицы. Он видел в деревне золотую гинею и знал, какую груду денег дают за неё. Вот и мечтал набрать золотых крупинок и получить за них много денег. Пробежал бедняжка весь день — везде вместо золота мусор и грязь. Сел в подворотне большого красивого дома и горько заплакал. Плакал, плакал да и уснул. Рано утром

проснулся — живот совсем от голода подвело.

А в этом доме жил богатый торговец мистер Фитцуррен. Вышла за ворота кухарка, женщина злая и сварливая, увидела Дика и раскричалась:

— Ах ты, грязный попрошайка! Чего улёгся у наших дверей! Работать — так вас нет. Убирайся сейчас же отсюда! Не то окачу тебя горячими помоями, убежишь как ошпаренный.

Вышел на крик хозяин, мистер Фитцуррен.

— Ты чего здесь лежишь? — спрашивает Дика. — Ты ведь уже не маленький, можешь работать. Боюсь, ты и впрямь склонен лениться.

— Нет, сэр, — запротестовал Дик. — Это не так. Я бы охотно делал любую работу, да в Лондоне у меня никого нет. Отец с матерью давно умерли. Как мне теперь быть — не знаю. Хоть с голоду помирай.

— Ладно, — говорит купец. — Попробую твоему горю помочь.

Отвёл Дика на кухню и приставил к кухарке — воду носить, печь топить и другую чёрную работу делать.

Неплохо бы жилось Диком в доме купца, да нрав у кухарки был больно крутой. Ела Дика поедом день-деньской и до того любила ручищами махать, что, если не было отбивных, колотила Дика — метлой и чем ни попадя. Пожалела его горничная и пожаловалась на неё Алисе, дочери мистера Фитцуррена. Пригрозила Алиса кухарке, что, если та не уймётся, получит расчёт.

Кухарка немного поумерила нрав — тут, как назло, другая напасть. Спал Дик на чердаке, холода он не боялся, зато от мышей и крыс спасу не было. Раз почистил он туфли богатому джентльмену, и тот дал ему за работу пенни. Решил Дик купить себе кошку. Увидел на улице девочку

с кошкой и спросил у неё, не продаст ли она свою киску за пенни. «Бери», — ответила девочка и прибавила, что кошка эта замечательно ловит мышей.

Дик отнёс кошку к себе на чердак и не забывал делиться с ней вкусными кусочками. Очень скоро кошка переловила всех крыс и мышей, и зажилося Дикю вполне сносно.

Вскоре снарядил хозяин корабль со своим товаром в заморские страны. Собрал в гостиную домочадцев и говорит, пусть каждый отправит на «Единороге» какую-нибудь вещь. Может, найдется за морем и на неё покупатель. Все что-нибудь принесли, только у Дика — ни денег, ни вещей, всего-навсего одна кошка.

— Давай сюда твою кошку, — улыбнулся хозяин. — Пусть мурлыка попытает за морем счастье.

Пошёл Дик к себе на чердак, взял кошку и отдал её со слезами на глазах капитану корабля: жалко было расставаться, да и мыши покоя не дадут.

То-то смеху было над товаром Дика. А Алиса, добрая душа, дала ему пенни, чтобы купил себе другую кошку.

Тут уж кухарка совсем обозлилась. Стала пуще прежнего тиранить Дика. И бранит, и метлой колотит — за дело и без дела.

В конце концов не выдержал Дик и решил убежать из дома. Собрал он свои скудные пожитки и еще до свету отправился в путь. Дошел до окраины города, сел на большой камень и стал думать, куда теперь податься.

Думал он, думал, а тут как раз забили колокола на местной церкви. Слушает Дик колокольный звон, и чудится ему, колокола говорят:

Слушай звон-перезвон,
Будешь мэром, Виттингтон.
А сейчас домой иди
И немножко потерпи.

— Буду мэром! — вскочил с камня Дик. — Да ради этого можно что угодно вытерпеть. Буду ездить в карете! Заведу добрую кухарку. И мышей у меня не будет. Да и спать буду в тёплой, красивой комнате. Что мне теперь колотушки кухарки! Ведь в конце концов я стану мэром.

Побежал Дик обратно и, к счастью, успел прибежать до того, как кухарка встала. Спустилась она на кухню, а печь уже топится.

Долго бороздил моря «Единорог», пока не прибило его ветром к берегу страны Берберии. Жили в этой стране мавры, неизвестные до той поры англичанам.

Весь народ высыпал на берег поглазеть на чужеземных мореходов, у которых такая светлая кожа и голубые глаза. Встретили местные жители заморских гостей ласково, а увидев диковинные товары, стали наперебой покупать, что кому нравится.

Видит капитан, какой идёт торг, и послал берберскому королю богатые подарки. Король был очень доволен и пригласил капитана во дворец. Усадили капитана по обычаю страны на ковёр, расшитый серебряными и золотыми цветами, подле короля с королевой, которые восседали на возвышении. Каких только яств не было на столе! Только приступили к трапезе, в комнату ворвались полчища мышей и крыс. Ринулись на стол и вмиг разорили пиршество. Не было блюда, куда бы они не сунули своих мордочек. Изумился капитан и спросил придворных, не кажется ли им, что это довольно мерзкие твари.

— О да, — ответили придворные, — мерзкие, и притом нахальные. Наш король отдал бы половину своих сокровищ, лишь бы от них избавиться. Ведь они не только отравляют обеды и ужины, они мешают королю, когда он заседает в палате, и нападают на него ночью, на сонного. Всю ночь приходится держать возле короля стражу.

Капитан сразу вспомнил про кошку бедного Виттингтона и даже подскочил от радости.

— Ваше Величество, — обратился он к королю. — У меня на борту есть зверь, который шутя расправится с этой нечистью.

Король от этих слов так разволновался, что у него чуть тюрбан не свалился на пол.

— Очень прошу тебя, чужеземец, неси скорее сюда твоего чудесного зверя. От этих мерзких тварей нет никакого спасения. Они всюду так и кишат. Просто ужасно! — Король на миг забыл своё королевское достоинство, но тут же спохватился: — Если ты и правда избавишь нас от них, мы дадим тебе столько золота и самоцветов, что тебе и не увезти.

— Ах, пожалуйста, побыстрее, — вторила королева. — Мне не терпится взглянуть на этого удивительного зверя.

Капитан поспешил на корабль, а во дворце тем временем приготовили новый обед. Вернулся капитан с Пусси под мышкой, а на столе опять крысы с мышами хозяйничают.

Увидела кошка такое непотребство и, не дожидаясь приглашения, прыгнула из рук капитана прямо на стол. В считанные секунды у ног

королевы выросла гора убитых мышей и крыс, а оставшиеся в живых разбежались по своим норам.

Короля с королевой очаровала эта молниеносная расправа, и они пожелали хорошенько разглядеть чудесного зверя, оказавшего им столь неоценимую услугу.

— Пусси, Пусси! — позвал капитан киску, и она, не чинясь, подбежала к нему.

Капитан взял её и протянул королеве, но та в страхе отпрянула, не решаясь дотронуться до зверя, который устроил мышам и крысам такое побоище. Капитан погладил кошку и опять позвал её:

— Пусси! Пусси!

Тогда королева осмелела, тоже погладила мягкую шёрстку и сказала:

— Пути, Пути. — Она ведь не знала заморского языка.

Потом капитан посадил кошку к королеве на колени, Пусси замурлыкала, поиграла с пальцами королевы, свернулась клубком и уснула.

Король, убедившись в ловчих талантах Пусси и узнав, что она с котятами, а значит, скоро все его подданные смогут обзавестись подобным сокровищем, купил у капитана все его товары, а за кошку заплатил вдесятеро больше, чем за всё остальное, вместе взятое.

Распростился капитан с королём, королевой и всем его двором и отправился с попутным ветром в далекую Англию. Плавание было спокойное, и скоро корабль благополучно вошёл в Темзу.

Как-то утром сидит мистер Фитцуоррен у себя в конторе, вдруг кто-то стучится в дверь.

— Кто там? — спрашивает он.

— Друзья, — отвечают из-за двери. — Хорошая новость о вашем «Единороге».

Открыл негоциант дверь, и в комнату вошли капитан с помощником. Капитан нёс в руках большой ларец с бриллиантами и изумрудами. Радостно приветствовал мистер Фитцуоррен вернувшихся из плавания и возблагодарил судьбу за их счастливое возвращение.

Рассказал капитан хозяину про кошку Дика, зовёт негоциант слуг и говорит:

Зовите Дика к нам сей час,
Пусть он послушает рассказ.
И знайте с этих пор, что он
Почтенный мистер Виттингтон.

Послали за Диком, он как раз чистил сковородки и от усердия весь перемазался сажей. Дик подумал, что над ним будут опять смеяться, но всё-таки послушался и пошёл, куда велено.

— Больше никто никогда не будет над тобой смеяться, Дик Виттингтон, — сказал ему негоциант. — Выслушай радостную новость.

Король Берберии дал за твою кошку много золота, серебра и драгоценных камней. Вот смотри. — И он открыл ларец, который принес капитан «Единорога».

Бедный Дик не знал, как себя вести, что делать. Никогда в жизни не видел он такого богатства, но он был добрый парень и всех одарил золотом и драгоценностями — и капитана с помощником, и слуг, и даже злую кухарку.

Мистер Фитцуоррен пригласил Дика пожить у него, пока он не купит своего дома, и повёз его к лучшему лондонскому портному.

Когда Дик отмыл лицо, когда завили ему волосы, одели в модное платье, а на голову водрузили шляпу, он оказался самым красивым юношей из всех, кто бывал в доме мистера Фитцуоррена. И мисс Алиса, которая всегда была добра к Дику, сочла его достойным своей любви. Её отец заметил их взаимную склонность и предложил им соединить сердца. Все именитые люди Лондона, даже сам лорд-мэр, пировали и веселились у них на свадьбе.

Дик Виттингтон жил с женой дружно и счастливо. А как вошёл в лета, избрали его лорд-мэром и король возвёл его за верность и благородство в рыцарское достоинство.

